

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

СВЕТЛЫЕ КРЫЛЬЯ
ДЛЯ ТЕМНОГО
СТРАЖА

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Мефодий Буслаев

Дмитрий Емец

**Светлые крылья
для темного стража**

«Емец Д. А.»

2007

Емец Д. А.

Светлые крылья для темного стража / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2007 — (Мефодий Буслаев)

Незадолго до гибели повелитель мрака Кводнон написал на пергаменте имя преемника и запечатал его своей печатью. А когда после смерти Кводнона стали искать это завещание, оказалось, что оно исчезло. Волею судьбы, ибо ничего в духовном мире случайного нет, этот пергамент, а вместе с ним и эйдос Улиты, попал в руки Мефодия и Дафны. Эйдос Улиты уникален – он единственный сочетает в себе свет и тьму. Пергамент и эйдос ищет бывший приближенный Кводнона Спuriус. Он мечтает занять место Лигула и стать повелителем Мрака. Страшно представить, что произойдет, если Спuriус, разобравшись в тайне эйдоса Улиты, сумеет вселить мрак во все приходящие в мир эйдосы. Душа человека тогда станет творением не только Света, но и Мрака...

© Емец Д. А., 2007

© Емец Д. А., 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	31
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дмитрий Емец

Светлые крылья для темного стража

Кто, наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе, то самое, Сократ, ради чего и были предприняты все предшествующие труды, – нечто, во-первых, вечное, то есть не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное, не когда-то, где-то, для кого-то и сравнительно с чем-то прекрасное, а в другое время, в другом месте, для другого и сравнительно с другим безобразное. Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-либо лица, рук или иной части тела, не в виде какой-то речи или знания, не в чем-то другом, будь то животное, земля, небо или еще что-нибудь, а само по себе, всегда в самом себе единообразное; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает. И тот, кто благодаря правильной любви поднялся над отдельными разновидностями прекрасного и начал постигать само прекрасное, тот, позжалуй, почти у цели.

Платон. Пир

Глава 1

Тринадцатый лишний

Кушай-кушай, Федора Егоровна!

К.И. Чуковский

Случаются вечера сонные, спокойные, которые мягко, без всплеска, без сопротивления, как перезрелый плод, падают в ночь. Бывают и другие вечера – буйные, напористые, когда даже тихие люди без повода срываются на крик, а в каждой третьей квартире всхлипывают форточки и грохают двери. И сложно сказать, в чем тут дело – в полнолунии, в атмосферном давлении, в положении звезд или в чем-то более глобальном, темном, что, скромно прячась за кулисами, пытается управлять всеми и вся.

Наконец выдаются вечера и третьего рода – внешне меланхоличные, тягучие, но скрыто напряженные, балансирующие на грани безумия. В такие вечера прыгают с балконов, рыдают в голос, перерезают вены, кусают подушки, делают предложение о вступлении в брак или пишут поэмы.

Вечер, в который возобновляется наш рассказ, был именно такого третьего рода.

Некий ранее не упоминавшийся суккуб русского отдела мрака Маракаратма, в облике стервозной шатенки с психологического факультета МГУ умыкнувший свой первый в жизни эйдос, на радостях гулял всю ночь. Он плакал, смеялся, глушил бокалами эйфорию, лез целоваться к сотрудникам правоохранительных органов, передразнивал Лигула и под утро был унесен в Тартар специально присланным за ним стражем. Больше о суккубе Маракаратме в Верхнем Мире никто не слышал.

Тухломон, за день принеший мраку четыре эйдоса, буднично зевнул, прилепил отклеившееся ухо и скромно улегся спать в выхлопной трубе автомобиля. Он надеялся, что за те две

секунды, что он позволит себе отдохнуть, автомобиль не успеет завестись и уехать. И надежды его оправдались.

Улита сидела в резиденции мрака, за столом, который днем был завален бумагами и заляпан капавшей с печати кровью, и пожирала холодную курятину. Глаза ее светились в темноте, как у кошки. Что творилось у ведьмы внутри и о чем она думала, науке неизвестно, но курицу Улита раздирала решительно, почти с ненавистью.

На кожаном диване, поджав под себя ноги, сидел Петруччо Чимоданов, пахнувший кислой капустой и дорогим дезодорантом. Улита давно уже ничему не удивлялась. Можно быть чистой в одном и грязнулей во всем остальном. Например, не менять носки по три недели и два раза в день мыть голову.

Чимоданов был занят. Он расковыривал охотничьим ножом патрон двадцатого калибра. Отдельно он высыпал дробь, отдельно порох и отдельно отложил капсюль. Лицо у него при этом было приятно созерцательное. Глаза блестели, как у питекантропа, которому вместо камней предложили забросать мамонта ручными гранатами.

– Знаешь, что будет, если поджечь порох? – спросил он ведьму, задумчиво прокручивая колесико зажигалки.

– На одного дурака меньше, – понадеялась Улита.

– Неверно! Подчеркиваю: порох взрывается только в замкнутом пространстве. А так он просто сгорает, хотя и ярко, но без последствий, – нравоучительно сказал Чимоданов.

Он ссыпал порох на столовую ложку, поднес зажигалку и ойкнул, когда всплеснувшее белое пламя обожгло ему кончик носа. Дальше этого дело не пошло. Порох действительно не взорвался.

– Н-но! Без фокусов! Помни, кто я и кто ты! – укоризненно сказал ложке Чимоданов.

Ложка осознала свое ничтожество и промолчала. Петруччо подул на нее и встал.

– Ну я пошел!

– Куда? – лениво поинтересовалась Улита.

– Хочу попытаться выплавить свинец, – пояснил Чимоданов и, мечтательно улыбаясь, уединился с дробью.

За Петруччо, прихрамывая, бежал Зудука с капсюлем. Оба – и Зудука, и его хозяин – выглядели довольными. Они существовали в мире заданных координат, где все было расписано заранее, все расставлено по полочкам. И в этой заданности было величайшее успокоение.

– Сил моих нет! Я кипю, бесуюсь и туплею! Если Эссиорх не вернется в самое ближайшее время, я кого-нибудь съем! – ни к кому не обращаясь, вполголоса сказала Улита.

Пытаясь избавиться от назойливых мыслей, ведьма потрясла головой и с недоумением уставилась на обглоданную куриную ножку, не понимая, откуда она взялась у нее в руке.

– Человек не должен ни к чему привязываться. Он должен любить, бешено любить, всей душой, но не привязываться. Ты поняла это, дура? – сказала Улита не то куриной кости, не то кому-то еще.

Здесь же, неподалеку, Мошкин сотворил ледяную розу и окутал ее пламенем. Пламя плясало на четких гранях цветка, который, хотя и истекал слезами, мистическим образом не таял. Мошкин смотрел на розу, и в душе у него что-то болезненно перекручивалось, будто душа была мокрым полотенцем, а он отжимал ее руками. Евгеша был юн, красив, силен, но сомневался в себе, как сомневается в выигрыше неопытный игрок в двадцать одно, которому разом пришли три семерки.

Ната стояла перед зеркалом, чья серебряная рама закручивалась в форме двух бодающихся козлов. Из стеклянных глубин на нее печально взирали три белых офицера, некогда застрелившихся перед этим зеркалом из одного револьвера, который валялся здесь же, у их ног. Вихрова злилась и шипела на офицеров, чтобы они не маячили. У нее уже второй день чесался подбородок, и она хотела понять, не вскочило ли на нем что-нибудь.

Однако офицеры не уходили. Один – совсем молоденький подпоручик с запекшейся на виске кровавой запятой – подавал Нате умоляющие знаки, точно пытаясь сообщить ей нечто важное. Остальные двое не двигались и только смотрели. Однако Вихрова не расположена была беседовать с неприкаянными духами.

– Ну разве я не хороша? – спросила она у самой себя и сама себе ответила: – Да, будем откровенны: внешность заурядная. Но что это меняет? Всякой женщине нужна прежде всего норка, все, что в норке, и хотя бы немного личного счастья... Не так ли? Допустим даже не так, но опять же: что это меняет?

Ната пристально всмотрелась в зеркало и, поморщившись, подозвала Мошкина.

– Эй! Поди сюда! – велела она – У меня что-нибудь есть на подбородке?

Евгеша послушно подошел и посмотрел глазами раненой лани. Он давно пережил свою любовь к Нате, однако старая любовь, пусть даже угасшая, всегда равно отдается тупой и мучительной болью.

– Да, есть, – сказал он, вглядываясь в круглый кошачий подбородок Вихровой.

Ната досадливо поморщилась. Ее подвижное лицо пошло мимическими морщинами – странными, несимметричными, но бесконечно привлекательными. Взгляд Мошкина застревал в них, как в паутине. Евгеша силой заставил себя зажмуриться. Да, кобра не умрет от укуса кобры, магия не подействует на того, кто родился с Вихровой в один день, но все же несколько мучительных ночей обеспечено.

– Сама чувствую, что есть. Конкретнее, Евгений! Конкретнее! Опиши, что ты видишь! – нетерпеливо потребовала Вихрова.

– Красное пятно! – сказал Евгеша, осторожно, как больная сова, приоткрывая один глаз.

– Большое?

– Примерно с десятикопеечную монету. А большое или нет – не знаю, – сказал Мошкин, привычно обходя конкретные суждения.

Ната с ненавистью поскребла подбородок.

– Вот и я его вижу. Второй день уже чешу. Что это такое может быть, а? Не знаешь?

Но Мошкин знал только, что это красная точка.

* * *

В тот же вечер Ирка сидела в «Приюте валькирий», слушала, как дождь скребет мокрым ногтем по крыше, и разглядывала старые фотографии. Гора Ай-Петри на крымском снимке показалась ей прилипшей крошкой хлеба, и она машинально подула, пытаясь убрать ее. Зрение у Ирки было неважное, сточенное ночным чтением с монитора. Лишь когда в руке у нее появлялось копьё и она без остатка становилась валькирией, зрение обострялось до невероятных пределов. Но это было уже другое зрение.

Антигон без дела шатался по «Приюту валькирий», заглядывал в пустые чашки, топал по половицам, тревожа мышей, и громко распевал.

– Ты не мог бы культурно заглохнуть? – попросила Ирка.

Голос у Антигона был ужасный и напоминал скрип тележного колеса.

– Это моя любимая песенка! Мне пела ее мама! – обиделся Антигон. – Золотые были времена! Она пела, а я слушал! Лежал на траве, высовывал язык, ждал, пока на него сядет бабочка и... ам! Или другой вариант: прицеливаешься и...

Перед глазами у Ирки мелькнул липкий, длинный язык.

– Мимо! А ведь когда-то получалось! – разочарованно сказал Антигон, провожая глазами улетающую муху.

Внезапно люк «Приюта валькирий» с хлопком откинулся, и в него просунулась незнакомая физиономия. Большое, обветренное, довольно плоское лицо. Светлый ежик волос, таких

густых, коротких и жестких, что их с ходу можно было пускать на зубные щетки. На могучих скулах играл румянец свекольной яркости.

– Ты кто? – спросила Ирка, но еще прежде, чем получила ответ, по румянцу узнала оруженосца Хаары.

– Хозяйка приглашает вас на день рождения! – сообщил оруженосец.

Его круглая голова торчала из люка, как лежащий на грядке арбуз.

Ирка изумилась, точно забитый, мешковатый троечник, которого приглашает в гости самая популярная в классе девчонка. И троечник пугается, не зная, чем объяснить эту внезапную милость. Кого в гости, меня? А сознание уже подозрительно шелкает на счетах, перебирая варианты. Может, подвох? Может, некому подсунуть на стул сковородку с яичницей? Или дадут левый адрес и после звонка из однушки в панельном доме навстречу ему вылетит рой из семидесяти сердитых корейцев, последователей Джеки Чана?

– Я же валькирия-одиночка! – осторожно напомнила Ирка.

– Да хоть водолаз! Мне сказано: зови в гости. Вот я и зову! – непреклонно заявил оруженосец.

Ирка подозрительно уставилась на посланца Хаары, однако тот только скалился и молчал. Зубы у него были белые, широкие.

– Когда? – спросила Ирка.

Ответ удивил ее еще больше.

– Да прямо сейчас. Все уже собрались. Идемте, я покажу дорогу! – сообщила торчащая из пола голова и куда-то укатилась.

«Ну раз все, тогда понятно! Значит, меня за компанию. Типа всех так уж всех!» – сообщила Ирка, испытывая странную смесь обиды и облегчения.

На сборы у нее ушло не больше пяти минут. Все эти пять минут оруженосец проболтался на канате, не желая ни ждать внизу, ни забираться наверх. Таким странным образом выражалась у него спешка.

– Чего так долго-то? – гундосил он из-под пола.

Ирка плохо представляла, как они будут втроем телепортировать, и если не втроем, то куда денут оруженосца, однако о телепортации, как оказалось, речь и не шла.

На одной из асфальтированных аллей Лосинового Острова была припаркована старая иномарка-универсал с тонированными стеклами и лихо торчащей антенной, похожей на тараканий ус. На бампере белела большая наклейка: «ВОВАН».

– Вован – это кто? – спросила Ирка.

Оруженосец молча ткнул себя пальцем в грудь. Ирка смутилась.

«Могла бы и сама догадаться! Не такая уж сложная логическая задача», – выругала себя она.

Магнитола, усиленная сзади двумя здоровенными колонками, гремела и чихала музыкой. Под резину стекла были вставлены диски, якобы путавшие милицейские радары, а на деле мешавшие лишь обзору.

– Садись сзади! У переднего сиденья спинка хрюкнулась! – сказал оруженосец.

– Почему хрюкнулась?

– Таамаг подвозил, – мрачно поведал Вован.

Ирка послушно попыталась сесть сзади, но там уже все место занимала здоровенная бита. Рядом с битой лежал аккуратный мячик.

– А мяч зачем?

– Чтоб дяди с палочками поверили, что я бейсболом занимаюсь! – пояснил Вован, перебрасывая биту в багажник.

– А ты занимаешься?

Свекольную голову вопрос привел в восхищение.

– Занимаюсь! Гы-гы-гы! Прямо с утра начинаю и пока комиссионеры не кончатся! – повторяла она и тогда, когда они уже мчались по ночному городу.

Вован гнал как сумасшедший. Дряхлая иномарка грохотала и лязгала, крайне удивленная своей прытью. Оглушенный музыкой Антигон подпрыгивал на заднем сиденье, при поворотах врезаясь в дверь, предусмотрительно украшенную наклейкой «Место для удара головой». Раньше Ирке казалось, что подобные наклейки бывают только в маршрутках. Оказалось же, что они актуальны везде, где рулят Вованы.

Чтобы никуда не улететь, Ирка упиралась руками в крышу. Она не уставала удивляться, каким образом у спокойной Хаары, которая казалась воплощением порядка и аккуратности, в оруженосцах мог оказаться такой вот Вован. Вот уж точно: противоположности притягиваются хотя бы для того, чтобы дать друг другу в рыло.

Минут через двадцать машина свернула во двор и резко затормозила. Сияющий Антигон перелетел через сломанную спинку сиденья и, чпокнувшись в лобовое стекло, блаженно заулыбался.

– Ну че? Вылазить будем? Приехали ваще-то! – прогудел Вован, с усилием выдавливая наружу свой нехилый торс.

Ирка и сама догадалась, что приехали. Машина стояла в заставленном автомобилями дворе шестнадцатизэтажки.

Вован решительно надавил негнувшимся пальцем код и втиснулся в подъезд. Только в кабине лифта Ирка осознала, какого он громадного роста. Валькирия-одиночка была ему примерно по грудь. Антигон же вообще терялся где-то в нижнем ярусе, как подлесок в глухом бору.

Кикимора, в острой форме страдавшего комплексом Наполеона, данный факт оскорблял. Он пытался, подпрыгивал и нарывался на драку. Бесполезно. Вован улыбался и демонстрировал полнейшее миролюбие, даже когда Антигон заявил, что булавой поотшибает все пальцы у него на ногах.

Ирка не заметила, на какой этаж они поднялись. Но довольно высоко, потому что лифт ехал долго. Ирка рада была любому промедлению: она побаивалась вот так вот сразу оказаться среди остальных валькирий.

Вован повернул ключ в замке.

– Чего встали? Проходите! – пригласил он.

Нервно Ирка заранее растянула мышцы лица в приветливой улыбке. Когда дверь распахнулась, она выстрелила улыбкой в пространство и... промахнулась. Это оказалась всего лишь общая дверь на площадку, где было три квартиры. Ирка увидела два спортивных велосипеда, детскую коляску и санки.

Антигон немедленно забрался в коляску. По размерам он вполне подходил, вот только рыжие бакенбарды и пористый алкоголический нос несколько искажали идеалистическую картину безоблачного детства.

– Это ваше, что ли, хозяйство? – с вызовом спросил он у Вована, кивая на коляску.

Вован поскреб пальцем висок. Соображал он явно медленнее, чем рулил.

– Соседей! Наше вот! – сказал он и, открывая еще одну дверь, ткнул пальцем в стоящие рядом горные лыжи.

– Кто катается? Ты? – усомнился Антигон.

– Хаара. Я так, чуток! – пояснила свекольная голова, произнося имя хозяйки с неожиданным благоговением.

Опасаясь и во второй раз выстрелить улыбкой в пустоту, Ирка обошлась тем, что, встав на цыпочки, высунула голову из-за плеча Вована. И снова ошиблась. Теперь улыбка пришлась бы к стати.

Валькирия разящего копья встречала Ирку в коридоре. Странно было видеть ее без нагрудника, копья и щита в вечернем элегантном платье. Хаара была хрупкой и изящной, с

тонкими руками, которые показались бы даже слабыми, не будь их движения так быстры и решительны.

– Брысь, Вован! Ты слишком громоздкий для нашего коридора! – приказала Хаара, мягко отстраняя оруженосца.

Вован послушно вдвинулся плечом в вешалку и сел на задумчиво хрустнувшую полку для обуви. Ирка и Хаара оказались лицом к лицу.

– Ну наконец-то! Добрались без приключений? Рада, что ты пришла! – сказала Хаара и потянулась к Ирке, явно чего-то ожидая.

Ирка растеряла все слова и вместо улыбки изобразила запоздалую лицевую судорогу. Так и не дождавшись поцелуя, Хаара отстранилась. В руках у нее был огромный букет роз. Увидев розы, Ирка внезапно осознала, что явилась без подарка.

– Слушай, а у меня вот ничего нет! Я узнала про день рождения совсем недавно и... – забормотала она, краснея.

Хаара отмахнулась с великодушной небрежностью. Примерно так отмахивается важный дядя, директор департамента, когда сын его подчиненного пытается подарить ему на юбилей обсосанную конфету, только что вытащенную изо рта.

– Какая ерунда! Проходи в комнату! Кстати, ты в курсе, что от тебя пахнет гарью?

Ирка растерялась.

– Гарью? А-а, это дым! Мы с Антигоном мусор жгли! – догадалась она.

– Вот как? Интересно. А что за мусор? – вежливо заинтересовалась Хаара.

– Ну я же в лесу живу. Народ пикники на поляне устраивает, а за собой не убирает. Мы с Антигоном вчера собрали все в кучу и подпалили... Что, сильно пахнет? – встревожилась Ирка.

Она запоздало сообразила, что после сжигания мусора полезно бывает переодеться или хотя бы помыть голову, особенно если тащишься на день рождения.

– Ничего, терпимо! Дым – это еще не самое страшное! – великодушно заверила ее Хаара, вновь подставляя ей для поцелуя щеку.

На этот раз Ирка оказалась сообразительнее. Щека валькирии разящего копья была крепко-прохладной, как только что вымытое яблоко. Ирка честно поцеловала ее, в то время как сама Хаара ограничилась тем, что чмокнула воздух.

Целуя валькирию, Ирка попутно с удивлением обнаружила, что она выше на полголовы. Вот только никаких преимуществ рост Ирки ей не давал. Он лишь подчеркивал, что она еще неуклюжий сутуловатый подросток, отчасти даже гадкий утенок, а Хаара – состоявшаяся и уверенная в себе женщина.

– Ай! – крикнула вдруг Ирка, невольно повисая на валькирии разящего копья и грудью ощущая шипы букета.

Причина этого поступка была проста как чертеж табуретки: Ирку бесцеремонно протаранили сзади. Засидевшийся в коляске Антигон, которому она загораживала дорогу, с разбегу боднул ее головой в спину. Протолкнувшись в тесный коридор, кикимор уселся на пол и, ни на кого не обращая внимания, принялся растирать ласты.

– Отдавили в лифте, гадики позорные! Никакого уважения к старости! Всех покрошу, один живой останусь! – бубнил он.

Хаара с холодным удивлением воззрилась на Антигона. Уяснив, что именно барахтается на полу, она сочла это существо недостойным персональной разборки и перевела укоризненный взгляд на Ирку. Заметно было, что паж, толкающий хозяйку, являлся для нее зрелищем новым и шокирующим. Больше Хаара поразились бы только, если бы ее собственный ботинок залаял и укусил ее за ногу.

– Что это за дела? Что ты ему позволяешь? – накинулась она на Ирку.

– Он... э-э... вообще-то хороший! Просто не подумал, – попыталась оправдаться Ирка.

– Не сомневаюсь, дорогая. Некоторые головы не способны думать. Все же лучше сразу указать нежити на ее место. Дрессировка, дрессировка и еще раз дрессировка! Мой Вован огреб бы за такое по полной программе! – заверила ее Хаара.

– Да, но Антигон этого и добивается! – несмело заикнулась валькирия-одиночка.

– Чего этого?

– Ну трепки... – сказала Ирка, ощущая себя глобальной дурой.

– Значит, трепка должна быть такой, чтобы ему больше не захотелось! Если кто-то сомневается, что такая трепка существует – пусть обратится ко мне! – отрезала Хаара.

Антигон заспорил было, но встретил взгляд голубых, очень ясных глаз и притих, как застреленный зайчик. Ирка осознала, что Хаара построила бы ее кикимора в два счета. Причем построила бы, даже не прилагая чрезмерных усилий. Ей стало совестно, что она такая бестолковая и недисциплинированная.

На ее счастье кто-то позвал Хаару из комнаты. Показывая, что разговор окончен, валькирия разящего копыя еще раз улыбнулась Ирке, повернулась к ней спиной и пошла к гостям.

– Еще раз с днем рождения! – сказала Ирка спине Хаары.

Хаара, не оборачиваясь, равнодушно дернула лопатками.

* * *

Ирка выждала в коридоре, набрала полную грудь воздуха и, как человек прыгающий с вышки в ледяную воду, шагнула в комнату. На пороге она громко поздоровалась, глядя на люстру, и лишь после этого набралась храбрости, чтобы опустить взгляд. Она увидела длинный стол, вокруг которого столпились все возможные стулья и табуретки. Сам стол был предельно сдвинут к дивану, в благом стремлении разместить максимальное число гостей.

На подоконнике устроилась смуглая Радулга, худая, гибкая как танцовщица, с распущенными смоляными волосами. Короткий рубец на ее щеке сейчас был почти не заметен. Встретившись взглядом с Иркой, Радулга мимолетно кивнула и сразу отвернулась.

Валькирия золотого копыя Фулона с дивана благодушно наблюдала за тем, как ее оруженосец открывает шампанское. Ирке Фулона улыбнулась приветливо, но нейтрально, как директриса школы новой ученице, которая, прячась за родителями, проскользнула к ней в кабинет.

Ирка стала пробираться вдоль стены, взглядом отыскивая место, где можно сесть. Пока что такого места не обнаруживалось.

На противоположном конце стола царила томная и странная Ламина, валькирия лунного копыя. При первой встрече с любым мужчиной она любила ошарашить его словами: «Юноша, вы мне снились!» И неважно, было юноше семнадцать лет или восемьдесят семь. Другие валькирии нервничали, когда она разговаривала с их оруженосцами. В данный момент Ламине никто не снился. Она сидела у шкафа и ела бутерброд с красной рыбой, изредка прерываясь, чтобы медленно облизать горячие губы.

Ближе к середине стола в кресле утопала Таамаг, мощные тела которой грозили взорвать изнутри спортивный костюм. Чтобы заставить Таамаг надеть платье, потребовалась бы вся златокрылая рать. Таамаг скромно обсасывала куриное крылышко и перелистывала случайно прыгнувший ей в руки иллюстрированный журнал.

Когда ей на глаза попадалась фотография мужчины – безразлично какого: актера, спортсмена, художника или скромного приемщика пункта проката водных велосипедов – Таамаг непременно вздыхала и гудящим басом произносила: «КЫкой краса-а-фффчик!» Даже если мужчина был уродлив как Лигул, Таамаг не позволяла себе усомниться.

– Глаза умные! А пальцы как у пианиста! – заявляла она.

Да, к мужчинам Таамаг относилась великодушно. Зато женщин терпеть не могла. Вот и сейчас, случайно обнаружив в журнале очередную финалистку конкурса красоты, она долго разглядывала ее, после чего сквозь зубы процедила:

– Смотреть противно! Горилла мускулистая! Руки до колен! И что они в ней нашли?

Ирка невольно засмеялась. На месте Таамаг она воздержалась бы от подробных описаний. Уж больно они отдавали самокритикой. Таамаг резко повернулась к ней, едва не развалив кресло. В ее зрачках плескал огонь.

– Ты что-то хочешь сказать, одиночка? – с угрозой произнесла она.

Ирка торопливо замотала головой и, метнувшись в сторону, вклинилась между Ильгой и Холой – валькириями серебряного и медного копья. Без доспехов Ильга и Хола походили на холодных офисных красоток из представительства безмерно крутой нефтяной компании. У обеих непрерывно звонили телефоны, однако сами они на звонки не отвечали, а отвечали оруженосцы – тоже очень офисного вида, в дорогих костюмах и белоснежных рубашках с галстуками. Те хорошо поставленными голосами извинялись, что хозяйка подойти не может, и интересовались, что передать.

Рядом с Ильгой и Холой пропахшая костром Ирка ощутила себя совсем неуместной и стала озираться в поисках угла, куда можно забиться.

– Иди сюда! Да иди же! – вдруг радостно завопил кто-то.

Ирку дернули за руку. Она увидела Бэтлу и ее оруженосца. Вместе они занимали не два, а целых три сдвинутых стула. Бэтла еще не бралась всерьез за еду, только разогревалась и шевелила бровями, а к ней, как верная рать, уже сами собой сдвинулись все тарелки и салатницы. Ее упитанный оруженосец, опасавшийся при других валькириях в полной мере проявить свой аппетит, ограничивался тем, что вилок гонял по тарелке горошину. Изредка он нырял под стол, будто для того, чтобы завязать шнурок, и ел там макароны «Макфа» из термоса. Параллельно, пользуясь моментом, сострадательная Бэтла незаметно спускала ему под стол бутерброд-другой.

– Не удивляйся! Это я заставила Хаару тебя позвать! – сообщила Бэтла и, спохватившись, что это звучит не слишком вежливо, торопливо пояснила: – Я думаю, пришла пора наплевать на глупые обычаи и поддерживать нормальные отношения! Одиночка – не одиночка, кого это волнует?

– Хаара тоже так считает? – поинтересовалась Ирка.

Бэтла яростно мотнула головой и с таким негодованием вонзила вилку в сардельку, что во все стороны полетели жирные брызги.

– Нет! Вообрази: наша дамочка убеждена, что идиотский закон, предписывающий держаться от одиночки подальше, имеет некий смысл. Она твердит, что если обычаи валькирий раз за разом нарушать, последствия будут самые непредсказуемые! – заявила она.

– Вот именно! – подтвердила Ильга, бесцеремонно вмешиваясь в их разговор. – Законов валькирий не так много, но все они глубоко не случайны! Если мы в чем-то не видим логики – еще не означает, что логики нет!

Бэтла с задором уставилась на «замороженную красотку», как она дразнила Ильгу. Валькирия сонного копья уже выпила два бокала шампанского и была настроена воинственно.

– А как тебе такой закончик, Ильгочка? *«Валькирия не должна использовать свои возможности в собственных интересах»*, – процитировала она. – Нехило, а? А глубины-то сколько! А логики так вообще завались!

Ильга смутилась и поспешила лично ответить на очередной телефонный звонок. Рука ее оруженосца, уже протянутая за мобильником, удивленно повисла в воздухе.

– Отдыхай, трубканосец! Ты уволен! – насмешливо сказал ему оруженосец Бэтлы.

Отутюженный паж Ильги молча отвернулся.

– Знаете, чем я, бестактная, глупая и ленивая, глобально отличаюсь от той же Ильги? – громко, на весь стол произнесла Бэтла. – Вот самый тупой и от фонаря взятый пример: надо вскопать пару соток земли на даче и посадить картошку. Я беру первую попавшуюся лопату – пусть неудобную и ржавую, и, зевая, ужасно медленно и неохотно, но все же перекапываю землю, закидываю картошку, и дело худо-бедно сделано...

– Сделано криво и косо, – процедила Ильга, ненадолго оторвав трубку от уха.

– Ну пусть так! Пусть криво и косо, но картошка вырастет! – великодушно согласилась Бэтла. – А что сделает Ильга? Она подойдет к вопросу чудовищно серьезно. Купит десять книг по агрономии и прочтет их от корки до корки. Затем потащится в лучший дачный магазин Москвы и там два часа будет донимать консультанта вопросами, какая лопата максимально подходит для дерново-подзолистого грунта с залеганием глины на глубине семнадцати сантиметров. Консультант этого, понятно, знать не будет. Попытается соврать и сбегать первую попавшуюся лопату, но негодующая Ильга его раскусит и соберет рядом с собой весь магазин, вплоть до директора.

– Ну и что? Существуют же права покупателя! – не выдержала Ильга.

– Вот об этом и речь! – охотно закивала Бэтла. – И всем, включая директора, ты прочтешь нотацию, что они ничего не смыслят в собственном товаре и вообще все они, равно как их дедушки и бабушки, глубинные наследственные неудачники. И горе тому, кто тебе возразит! Но вот самая правильная лопата куплена, равно как куплен и самый правильный картофель, выписанный из Бразилии. Картофель, естественно, привитый против вредителей и вызывающий у колорадского жука муки совести. И вот с картофелем и лопатой наша Ильгочка попрется на участок и внезапно обнаружит, что, пока она читала агрономические книжки, наступил февраль, и надо не картошку сажать, а снег чистить... Но снег Ильга чистить не будет. Несерьезно делать это без надлежащей подготовки. Она купит двадцать книг про уборку снега и отправится все в тот же злосчастный магазин покупать самую правильную лопату для снега... Разумеется, дело будет уже поздней весной, потому как двадцать книг за минуту не прочитаешь. Увидев тебя издали, директор магазина спрячется за мешки в отделе удобрений, а консультанты с воплями разбегутся кто куда.

Таамаг расхохоталась так, что закачалась люстра. К ней присоединились еще несколько валькирий. Было заметно, что с Ильгой Бэтла попала в точку.

– Все же было бы лучше, если бы ты не делала все криво и косо, Бэтла! – сквозь смех выговорила Фулона.

Ильга предпочла сделать вид, что всецело поглощена телефонным разговором. В глубине души она не понимала, почему ее стремление делать все вдумчиво и по правилам так раздражает остальных.

Ирка слушала, как Ильга говорит по телефону – приветливо, будто дружески, но вместе с тем через бронированное стекло дистанции. Четко и спокойно, как фехтовальщик, она удерживала собеседника на расстоянии, при необходимости повисая на нем цепко, как бойцовский пес.

В сам текст Ирка не вслушивалась, улавливая все на уровне интонаций. Мешал шум за столом, да и разговор был скучный – что-то про поставки, проценты и сроки оплаты. Очень и очень странный разговор для валькирии, которой положено думать только о битвах света и мрака.

Ирка даже испытала легкое, почти дружеское разочарование, похожее на разочарование, которое постигло ее лет в девять. Тогда, еще на коляске, она оказалась в гостях у боготворимой учительницы русского языка и услышала, как учительница шипит на мужа, который вместо майонеза купил маргарин.

«Если хочешь любить и уважать человека – не узнавай его слишком близко. Ну или люби несмотря ни на что, не ставя условий для любви. Тот, кто соглашается любить только совер-

шенное, на самом деле не любит никого и ничего», – сказала ей вечером Бабаня, когда Ирка, едва не плача, рассказала ей про учительницу.

Кто-то подошел к Ирке и остановился рядом с ее стулом. Ирка увидела загадочную валькирию лунного копыя Ламину. Темноволосая, раскосая, с широкими несимметричными скулами, с несколькими небольшими, неясного происхождения рытвинами на лице (ожоги, оспинки, следы сошедших прыщей?) Ламина напоминала диск луны в то тревожащее полнолуние, когда умные матери завешивают окно шторами.

Ламина стояла и смотрела на Ирку. Смотрела не враждебно, но настолько непонятно, что Ирка забеспокоилась. Валькирия лунного копыя была единственной, в чьем отношении к себе Ирка пока не определилась.

Ирка не склонна была к самообману и трезво осознавала, что среди валькирий у нее есть противники – Филомена, Таамаг, Радулга и союзники – Бэтла, Гелата, отчасти Фулона. Кроме того, существуют нейтралы: Ильга, Хола, возможно, Хаара. Хаару Ирка перенесла в нейтралы только что, приглядевшись к ней. Прежде она числила ее в противниках. И, надо признать, переложив эту карточку из одного ментального ящика в другой, она испытала облегчение.

И только в одной Ламине Ирка до сих пор не разобралась. Кто она – нейтрал, враг, друг? Ламина надежно ускользала от классификации, как ускользает от нее луна. Какая она? Круглая, половинчатая, узкий серп? И что скрывается там, с другой, всегда темной ее стороны?

– Вечер добрый, одиночка! – произнесла Ламина, нарушив молчание.

В руке она держала пустой бокал и задумчиво водила по стеклу влажным пальцем, вслушиваясь в возникающий звук.

– Добрый вечер! – поздоровалась Ирка, ловя себя на том, что голос у нее прозвучал испуганно.

– И как тебе здесь? Не разочаровалась? Ты представляла нас несколько не такими, не так ли?.. Небось ожидала увидеть у всех голубиные крылышки? – поинтересовалась Ламина.

Глаза ее были прищурены и дробно мерцали осколками зеленого, как у кошки, которая ночью выходит из-под кровати в комнате, слабо освещенной сквозь тюль уличным фонарем.

Ирка задержалась с ответом.

– Можешь не говорить. Новички склонны представлять свет белее и беззубее, чем он есть. И лишь представить всю черноту мрака у них все равно не хватит воображения, – сказала Ламина и посмотрела на Ирку сквозь бокал.

Лицо у нее при этом стало такое, точно Ламине было безумно интересно, останется ли Ирка Иркой или превратится в нечто совершенно иное, сокрытое от обычного зрения.

– Валькирии не свет. Они лишь слуги света, – осторожно сказала Ирка, всматриваясь сквозь бокал в увеличившийся, выпуклый, затуманенный стеклом глаз Ламины.

– Спасибо, что напомнила. А то мы, знаешь, могли размечтаться и забыться, – заметила Ламина, но опять же ирония была совсем не очевидна. Напротив, голос валькирии прозвучал грустно. Луна редко бывает веселой. Это не ее стихия.

– Давно хотела спросить тебя кое о чем, если ты не возражаешь... – невинно продолжала Ламина.

Ирка напряглась.

– Да, пожалуйста...

– Ты хочешь сказать, что искренно мне ответишь? Не соврешь?

– Смотря на какой вопрос, – сказала Ирка.

Внутри у нее все застыло.

Ламина усмехнулась. Выражение ее лица стало еще более отрешенным.

– Ничего личного или, во всяком случае, интимного... – мягко начала Ламина и вдруг резко выбросила вопрос: – Как поживает твое копые?

– Мое копые? Нормально, – с недоумением сказала Ирка.

Отвечая, она почувствовала, что разговор за столом смолк и теперь на нее смотрят все валькирии и их оруженосцы. Наблюдают с нетерпеливым, сосредоточенным и, пожалуй, озабоченным любопытством.

– Что, действительно нормально? И ты ничего не замечала? Вообще ничего? – вкрадчиво спросила Ламина.

– Нет, – ответила Ирка растерянно.

Она попыталась припомнить, не сотворила ли она в последнее время что-нибудь такое со своим копьем, что могло бы вызвать осуждение валькирий. Нет, кажется, не сделала да и вообще давно его не вызывала. Тренироваться одной, без понуканий Багрова, ей, признаться, было лень.

– А почему ты спросила про копье? – набравшись смелости, поинтересовалась она у Ламины.

Уклонившись от ответа, валькирия лунного копья протянула руку.

– Если все в порядке, так материализуй его! Вызови! Я хочу взглянуть сама! – потребовала она.

Ирка хотела послушаться, но внезапно кто-то громко, даже грозно окликнул:

– ЛАМИНА!

Ирка и Ламина разом обернулись.

Это был первый случай, когда Ирка видела Фулону разгневанной. У ее рта залегли решительные морщины. Ирка внезапно осознала, что валькирия золотого копья гораздо старше, чем она, Ирка, представляла.

– Ламина, я уже говорила тебе и хочу повторить еще раз. *Девочка ничего не знает и ничего не должна узнать! Во всяком случае, от тебя!* – ледяным тоном произнесла Фулона.

В ее голосе было столько власти, что Ламина уронила бокал. Тут невольно представляется нечто кинематографичное – стеклянная размазанная молния, краткий, бесконечно жалобный звон, возможно, капля крови, но, увы... ничего этого не было. Проза жизни глушит надежды ломом, завернутым в пыльную штору бытия. Бокал зацепил стол и благополучно съехал на ковер по скатерти, сохранив хрупкую жизнь.

В этот момент кто-то радостно и шумно прогрохотал по коридору. Из кухни примчалась хозяйственная Гелата, которая даже в гостях не усидела за столом и ушла делать салаты. Попутно она успела накричать на своего оруженосца, который ухитрился влезть в ванную и попрыскаться дезодорантом Хаары. Это был тот самый здоровяк, который в квартире у Гелаты упорно вбивал свои гулливерские ноги в тапочки-зайчики.

Гелата тащила его за руку, как гневная мать свое малоумное двадцатилетнее дитя, явившееся в общую песочницу с пожарным ведром и с саперной лопаткой и пинками вышвыривающее из нее других, более мелких обитателей.

– Он у меня чумной! Духи и шампуни спокойно видеть не может!.. – извиняясь, сказала она Хааре.

– Хы! А че тут такого? Жалко ей, что ли? Не обеднеет от одного пшика! – заявил оруженосец, не выказывая особого смущения.

Гелата покраснела. Краснела она очень подмосковно: шеей и верхом груди. На щеках же появлялось лишь несколько помидорных пятен.

– Да хоть при людях не спорь со мной, ирод! Тоже мне, взял манеру!.. – шепнула она, толкая его локтем.

Оруженосец гоготнул как глупый молодой гусь и затих. Ирка с облегчением подумала, что не один ее Антигон разнузданный. Встречаются и другие запущенные случаи.

И лишь Хаара не расположена была никому прощать.

– А ну иди-ка сюда, дружок! Я хочу тебе кое-что сказать по секрету! – позвала она, и оруженосец Гелаты сжался под ее ясным взглядом так же, как до этого Антигон.

– Не надо! Я больше не буду!.. Подумаешь, один пшик! – заныл он толстым голосом.

Таамаг по просьбе Радулги стала передавать ей салатницу, но когда Радулга взялась за нее, обнаружилось, что Таамаг не может разжать рук и машинально тянет салатницу к себе.

– Эй! Проснись! У тебя *это* опять началось! – окликнула ее Радулга.

Таамаг спохватилась и, смутившись, отпустила салатницу.

– Что с ней такое? – шепотом спросила у Бэтлы Ирка.

– Синдром младшего ребенка из неблагополучной семьи. Ну когда все приходится отвыкать, за все драться и человек уже органически не способен делиться... Ты же знаешь, что она младший ребенок? – шепнула Ирке Бэтла.

– Кто, Таамаг?

– Ну да. У нее четыре старших сестры. Они и сейчас к ней приезжают иногда. Конкретные такие тетеньки. Старшая сестра – тренер по борьбе. Вторая – в спецподразделении. Еще одна – надзиратель в женской колонии. Про последнюю я мало что помню. Кажется, беспризорников ловит или карманников. Если хочешь узнать больше – спроси у самой Таамаг, – посоветовала Бэтла.

Однако Ирка решила, что ей и так уже все понятно. Поживешь с такими сестренками годик, и социальная адаптация тебе обеспечена... Да, неисповедимы пути, ведущие к свету.

Бэтла, приплюсовавшая к прошлым двум бокалам шампанского еще два, пришла в неукротимое расположение духа. Ей захотелось поведать Хааре, как сильно она ее любит, но Хаара, промывавшая мозги оруженосцу Гелаты, ее не слышала. Бэтла огорчилась и стала бросать в Хаару горошинами из салата. Почему-то меткость ей изменяла, и горошины попадали не в Хаару, а в Радулгу и Холу.

– Ты бы еще копьем кинула! – мрачно посоветовала Радулга.

Бэтла послушно стала материализовать копье и целиться, но ее успокоили, усадили и, отобрав копье, вместо него вручили кусок пирога.

– Вот так всегда! Вечно надо мной все издеваются! А я ведь просто хотела сказать Хааре, что день рождения – такой прекрасный, такой необычный, такой редкий праздник! В этот день все должны понять, как хрупка жизнь и как мы должны друг за друга держаться! А меня никто не принимает всерьез! – всхлипнула Бэтла, роняя на колени крошки.

– Я тебя принимаю всерьез! – заверила ее Ирка.

Обрадованная валькирия сонного копья полезла обниматься и локтем опрокинула на Ирку свою тарелку. Ирка едва успела раздвинуть колени и мысленно повернуть тарелку боком, так что та пролетела, даже не задев ее.

– Не обращай внимания! Ерунда! – великодушно сказала она и по непонимающему взгляду Бэтлы сообразила, что та вообще не включилась, куда делась тарелка и что «ерунда».

Оруженосец Холы, оруженосец Таамаг и еще один оруженосец, кажется, Радулги, будто невзначай удалились на балкон и принялись чем-то булькать. Вован был отправлен посмотреть, куда они делись, и тоже пропал. Минут через двадцать на балконе уже недружно пели. Могучие мужские голоса ввинчивались в ночную тишину. С верхнего балкона кто-то назвал их психами и алкашами. Вспыльчивый оруженосец Холы не утерпел и полез разбираться. Миротворитель Вован его успокаивал. Бесплезно. Оруженосец Холы вскакивал на перила, пиная удерживающего его Вована. С верхнего этажа продолжали ругаться и даже плевались.

Таамаг первой утратила то небольшое терпение, что у нее имелось. Переваливаясь как медведица, она вышла на балкон и почти сразу вернулась.

– Знаешь, а я *твоего* с балкона вышвырнула, – как ни в чем не бывало сообщила она Холе.

Хола напряглась. Прислушалась. Тишина на балконе была не просто полной. Пожалуй, ее можно было назвать мертвой.

– Моего? – переспросила она с беспокойством.

– Ну да. Он мне нахамил. Беги вниз – лови! Может, еще успеешь!

Хола вскочила.

– Ты знаешь, какой тут этаж! – заорала она.

– Да сиди ты! Она шутит, – успокоила ее Хаара.

– И твоего Вована, кстати, тоже следом запустила. Под ногами много вертелся, – удовлетворенно произнесла Таамаг.

Хаара и Хола в панике ринулись на балкон и вернулись раздосадованные, толкая перед собой своих оруженосцев, прыгающих как кролики. Оба были связаны скрученной в жгут простыней.

– Я же говорила, что она шутит! – шипела Хаара.

– Да ты сама поверила! – огрызалась Хола.

Узел на простыне был затянут так сильно, что развязать его смогла только Таамаг. Она застенчиво посмотрела на свои руки.

– Со мной с двенадцати лет никто не хотел бороться! Даже взрослые мужики отказывались! А я ведь даже зарядку не делала, просто такая уродилась! И сестренки у меня ничего, не самые дохлые, – сказала она с гордостью.

Мало-помалу напряженность исчезла. Валькирии повеселели. Оруженосец Фулоны, невысокий, крепкий мужчина с залысинами, бывший прапор ВДВ, стал петь под гитару. Фулона подтягивала. У валькирии золотого копья оказался глубокий и красивый, чуть дрожащий на высоких нотах голос.

Неожиданно снизу, с домофона, кто-то позвонил.

– Это Филомена. Ну наконец! Свинство так сильно опаздывать! – радостно воскликнула Хаара и отправила Вована встречать ее.

Вован ушел и надолго исчез. Оруженосец Фулоны продолжил петь, но его не слушали. Никто не мог понять, почему Филомены и Вована долго нет. Наконец на площадке остановился лифт. Хлопнула железная дверь. В комнату заглянула растерянная голова Вована. Его щеки были уже не свекольными, но сизыми. Губы пытались что-то выговорить. Оруженосец замахал рукой, вызывая хозяйку.

Хаара вышла в коридор. Ирка услышала, как она вскрикнула, и наивно подумала, что это радостный крик человека, которому вручили подарок. И лишь когда из коридора донесся вопль «Скорее сюда!», Ирка поняла, что ошиблась.

Запутавшись в скатерти, Таамаг опрокинула стол. Все валькирии разом ринулись к двери, мгновенно заполнив тесный коридор. Случайно получилось, что Ирка оказалась впереди остальных, потому что сзади на нее налетела могучая Таамаг и, как бульдозер, протаскала ее вперед. На ноге у Ирки пиявкой висел любознательный Антигон.

Ирка увидела Хаару и Вована. Они заботливо поддерживали высокого парня, правая сторона лица которого была в крови. Парень вырывался, утверждая, что не ранен и кровь не его. Ирка узнала оруженосца Филомены. В руках он держал ее щит и шлем.

– А где сама Филомена? – непонимающе пробасила Таамаг.

– Филомены больше нет! – ответил оруженосец и, покачнувшись, тяжело завалился на Вована. Вован и оруженосец Бэтлы разом подхватили его.

Другие бросились наружу, как-то сразу, без расспросов, поняв, где следует искать Филомену. Некоторые рискованно телепортировали прямо из коридора, ослепив Ирку короткими вспышками. Поблескивали наконечники копий. Серебрились нагрудники, которых не было еще полминуты назад. Человеческая природа замещалась вечной сущностью дев-воительниц.

Таамаг в давке столкнулась с Иркой, сгребла ее и, брызжа слюной, крикнула ей в лицо:

– Это все из-за тебя, одиночка! Ты нарушаешь законы – и от нас отворачивается удача!

Глаза у валькирии каменного копья покраснели от гнева и так сильно косили, что Ирке казалось, будто ее взгляд расходится в разные стороны, огибая ее. После каждого слова Таамаг чуть-чуть приседала, а в уголках рта взрывались влажные шарики.

Кто-то решительно заслонил собой Ирку. Она узнала Фулону.

– Отпусти! Виновата не она! – приказала валькирия золотого копья.

Ее оруженосец стоял рядом, держа в опущенной руке гитару. Кто-то, проносясь, толкнул его. Гитара ударилась о стену и глухо загудела. Этот жалобный звук образумил Таамаг.

Она отпустила Ирку, вскинула руки – страшная, гневная, громадная как медведица, с искаженным ненавистью лицом – и исчезла в огненном пузыре телепортации.

Ирке подумалось, что, если раздраженная Таамаг случайно материализуется внутри каменной стены, тем хуже для стены. Она раздерет ее голыми руками. Ирка почти видела, как крошится камень от могучих ударов изнутри.

* * *

Убийца подстерег Филомену у ее дома, скромной панельной пятиэтажки в Марьино. Валькирия испепеляющего копья сидела, опираясь спиной о дерево. Даже в последнюю секунду она не позволила себе упасть. В груди у нее торчала стрела. На лице, закрыв мертвые глаза, лежал большой кленовый лист – возможно, первый лист надвигающейся осени, которая не стучалась еще, а лишь терпеливо скреблась пальцем в двери.

Сердце у Ирки забилося короткими, захлебывающимися ударами.

Гелата, как валькирия воскрешающего копья, кинулась к Филомене. Опустилась на колени. Коснулась пальцами шеи и долго, около минуты, держала их там. Затем с усилием выдернула стрелу и, виновато покачав головой, поднялась.

– Ну что же ты! Сделай что-нибудь! – раздалось сразу несколько протестующих голосов.

– Простите, но уже все. В этом мире Филомены больше нет. Она ушла в вечность, к свету... – сказала Гелата.

– Постой, не сдавайся! Ты же можешь! – схватила ее за руку Бэтла.

– Я бессильна. Все дело в стреле. Она из Тартара, – негромко сказала Гелата.

Наконечник был узким, без зазубрин. Не столько наконечник, сколько стилет, изготовленный для единственного верного удара и насаженный на древко стрелы. Тот, кто готовил нападение, понимал, что не сможет подойти близко.

– Кто это сделал? Кто? – страшно, на весь двор, прорычала Таамаг.

Она не в силах была просто так стоять и смотреть на мертвую Филомену. Боль и гнев наполняли ее густой бычьей кровью, пульсирующей в сосудах так, что в носу у Таамаг взрывались мелкие сосуды. Гнев мечтал превратиться в действие. Ему нужно было бежать, бросать копьё, рвать врага голыми руками, но кого рвать? в кого бросать? Зоркая Ильга первой обнаружила, что, следуя главному принципу своей жизни, Филомена отомстила за себя сама, вот только победной косы заплести не успела.

– Кто-нибудь! Подойдите сюда! – окликнула Ильга.

Убийца Филомены лежал за ближайшей машиной, уткнувшись в асфальт синим лицом. В груди у него была сквозная рана с опаленными краями. Такую могло оставить лишь копьё валькирии. Только вот само копьё в ране отсутствовало.

Газон, на который недавно завезли землю, был весь изрыт каблуками. Ирка увидела следы плевков и затоптанный окурок.

– Их было двое. Когда я подбежал, то понял, что этот уже ничего не скажет. Я наклонился, и тут меня кто-то вырубил сзади и взял копьё, – глухо сказал оруженосец Филомены.

Парень наваливался на плечо Вована. Голос у него звучал равнодушно, но лицо было темным и словно выпитым. Ирка почувствовала, что оруженосец никогда не простит себе тех мгновений. Хотя что, если разобраться, он сделал? Ничего. Вот именно: ничего. Не спас. Не закрыл собой. Не сохранил копьё. Да, не успел, да, не сложилось, да, не увидел, но что это меняет? Из всех уважительных причин мира не склеить одной маленькой истины.

Фулона выпрямилась.

– Мы опоздали. Линия валькирий испепеляющего копья прервана. Без копья найти Филомене преемницу невозможно, – очень трезво и спокойно сказала она.

Вскрикнув как голодная чайка, Таамаг рванулась к Фулоне. Громадная, неуклюжая, разгневанная и бесконечно несчастная медведица. Медведица, которая наконец нашла врага. Огромная Таамаг нависла над валькирией золотого копья. Тяжелая ладонь опустилась ей на плечо, комкая одежду, подбираясь как краб к шее.

– Ты думаешь только о своих копьях, Фулона! На остальное тебе плевать! Филомены больше нет! Понимаешь, нет! Вот тебе твоя игра в солдатики! – прохрипела Таамаг.

Ирке казалось: она сейчас бросится на Фулону и задушит ее.

– Это не моя игра в солдатики, – твердо глядя ей в глаза, произнесла валькирия золотого копья. – Не я ее начала, и тебе это известно. Мы не принадлежим себе. Мы солдаты света на передовом рубеже. А всякий солдат знает, что рано или поздно ляжет в бою. Главное для солдата – умереть с честью и сохранить оружие, чтобы следующие руки смогли поднять его, и армия света не поредела бы. А теперь возьми себя в руки, Таамаг – валькирия каменного копья, и не радуй мрак своими сомнениями!

И вновь воля восторжествовала над силой. Пальцы Таамаг разжались. Послышался жалкий, беспомощный всхлип. Даже не верилось, что он может иметь отношение к громадной валькирии. Слишком тонким он был, слишком детским.

Таамаг наклонилась и, мощная, плечистая, как мужчина, с легкостью оторвала от земли тело Филомены. В ее могучих ручищах валькирия испепеляющего копья казалась маленькой и хрупкой. Две дюжины кос Филомены свисали до земли. Если не считать того первого жалкого всхлипа, Таамаг не плакала, но в горле у нее булькало и клокотало, точно рычал зверь.

Фулона подошла к ней. Теперь уже она опустила руку Таамаг на плечо.

– Идем, Таамаг! Не медли!

– Куда?

– Мы должны перенестись на пустынный океанский берег и совершить огненное погребение. Ты знаешь обычай. Тела валькирий, передавших копье дальше по цепочке, исчезают. Не передавших сжигают в ладье по обычаю первых дев-воительниц, – сказала валькирия золотого копья.

Таамаг резко повернулась к ней спиной, точно надеясь на чудо и не желая отдавать Филомену огню. Косы Филомены качнулись. Их было много, очень много – маленьких, тонких как змейки кос. У Ирки мелькнула мысль, ужаснувшая ее: не потому ли Филомена погибла, что заплетать новые косы было уже невозможно, и этим Филомена приблизила свою жизнь к логическому пределу? Пределу, который сама очертила своей ненавистью?

В стекло фонаря упрямо бились мотыльки. Они тоже стремились умереть хрупкой и прекрасной смертью, но не могли – натыкались на стекло. А вот Филомена смогла. Стремительная и яростная, она не знала полутонов. Жила сражаясь и умерла в битве. Красивый и законченный росчерк земной судьбы на запотевшем от человеческого дыхания зеркале вечности.

– погоди, Фулона! Мы не все еще выяснили!

Радулга склонилась над убийцей и сумрачно разглядывала его запрокинутое лицо. Это был немолодой уже, плотный мужчина. Его сплюснутый в верхней части нос был похож на клюв. Но клюв не хищной птицы, а скорее утки. Рядом валялся лук. Радулга наметанным взглядом определила, что это дорогой лук из спортивного магазина, лишенный магических свойств. Довольно заурядная игрушка для богатых взрослых мальчиков, которые на природе, выпив пивка, любят пострелять в дерево, теряя к занятию интерес после пятого промаха или после пятой банки. В зависимости от того, что из двух наступит раньше.

– Не страж, нет? – спросила Хола.

Радулга медленно покачала головой.

– Что-то тут не так. Что именно, не пойму, но не так... Какой-то он не такой... – сказала она с сомнением.

Нерешительно протянув руку, Радулга коснулась запрокинутого лица. Вернее, почти коснулась. В последний момент пальцы встретили незримую преграду. Нервно облизав губы, Радулга попыталась еще раз. Ирка увидела, как напряглась ее рука, точно стягивала что-то. Послышался хлопок, и мужчина с утиным носом исчез. Теперь на асфальте, вытянувшись, лежала высокая худая старуха.

– Полуночная ведьма? – неуверенно предположила Ирка.

Радулга оглянулась на нее и, не отвечая, потянула незримую маску на лице старухи. И вновь что-то хлопнуло. Теперь у ее ног лежал парень лет двадцати пяти. Небольшого роста, мускулистый, сухощаво-крепкий, с округлой бородкой.

Радулга коснулась его лица, убеждаясь, что магических масок больше нет. Едва она отняла руку, как тело вспыхнуло. Валькирия ужасающего копья резво отскочила, спасая глаза от сухого жара. Мгновение – и на асфальте остался лишь пепел.

– Тройной морок. Кто-то очень хотел, чтобы убийцу не узнали... – сказала Радулга. – И все же это был не страж. Человек.

– Но откуда магическая маска и заклятие уничтожения? – усомнилась Хола.

Радулга дернула плечом.

– Откуда я знаю, откуда! – заявила она, и от этого двойного повторения досада в ее реплике многократно усилилась.

– Но что-то же позволило тебе определить, что это был не страж!

Радулга нахмурилась, вспоминая. Ее густые брови слились в одну.

– А, да! Эйдос! – сказала она.

– У него был эйдос? – с недоверчивым ужасом переспросила Бэтла.

На ее толстом лице дрожала обида. Валькирия сонного копья не стеснялась плакать – с судорожными всхлипами и так многослезно, что лицо у нее стало как после умывания. Не только глаза и щеки – даже лоб и шея загадочно ухитрились намокнуть. Бэтлу совсем не волновало, как она выглядит.

Ухоженные и продуманные до кончиков ногтей, Ильга и Хола поглядывали на Бэтлу с укором. Даже в горе они были стерильно-прекрасными и уместно-печальными, точно сотрудницы центрального офиса на похоронах главного акционера компании.

Не глядя, Бэтла протянула руку. Правильно истолковав жест, ее оруженосец принялся озабоченно рыться во внутреннем кармане. Для этого ему пришлось распахнуть пиджак, продемонстрировав окружающим продуктовый патронташ. Внутренний карман оруженосца оказался глубоким как овраг. И таким же безмерно вместительным.

Оруженосец достал две пачки чипсов, затем целую пирамиду пластиковых стаканчиков и, наконец, вскрытую упаковку одноразовых салфеток. В салфетки была предусмотрительно заправлена плитка шоколада. Так, с шоколадом внутри, они и перекочевали к хозяйке. Бэтла стала вытирать глаза, обнаружила шоколад и принялась его машинально есть, подсаливая капавшими слезами.

«Прям целый набор для утешения рыдающих женщин. Умный мужик!» – подумала Ирка.

– Да, – точно очнувшись, подтвердила Радулга. – Эйдос у него был... Но неправильный. Я видела, как он вспыхнул и сгорел вместе с телом!

– Эйдос сгорел? Не верю! Нормальный эйдос и в атомном реакторе не расплавишь! Он что, был гнилой? – со своей обычной дотошностью встряла Ильга.

Радулга захрустела пальцами. Она была раздосадована, как раздражаются плохо выражающие свои мысли люди, когда им требуется описать что-то сложное, с полутонами, причем описать предельно точно, без ошибки.

– Не гнилой. Вполне нормальный эйдос, но... э-э... выпитый. Бесцветный, тусклый, мертвый, – отыскивая слова, сказала Радулга.

Фулона наклонилась и посмотрела на пепел, в который превратился убийца Филомены. Ей достаточно было одного взгляда.

– Переселенец, – жестко поставила она диагноз.

– Кто-кто? – недоуменно переспросила Ирка.

Фулона не ответила, зато Бэтла вполголоса пояснила:

– «Переселенцем» мы называем тело, в которое вселились и использовали. Даже если бы Филомена не бросила копье, этот парень был уже не жилец. Тело все равно распалось бы, когда вселившийся оставил бы его.

– *Вселившийся кто?* – спросила Ирка.

Радулга удивленно уставилась на нее, и Ирка почувствовала, что вопрос был глупым.

– Хочешь сказать, он придумал убить не сам? – уточнила Ирка, вновь допуская досадный промах.

– Придумал убийство Каин. Ему первому (и то по подсказке!) пришла в голову эта оригинальная мысль. Все остальные в большей или меньшей степени занимались плагиатом, – вместо Радулги ответила Фулона.

Валькирия золотого копья выпрямилась и повернулась к Ирке. Ее лицо испугало Ирку больше, чем искаженное гневом лицо Таамаг. Оно было властным, требовательным.

– Не верь мраку! Никакому! Никогда! Мрак подл, даже когда помогает тебе и якобы желает добра. И главное: никогда не люби слуг мрака, какими бы хорошими они ни казались. Они не принадлежат себе. Их душами управляет тьма.

У Фулоны нетерпеливо дернулась щека. В ее зрачках метнулись далекие автомобильные фары. Шорох шин пронесся и заблудился в путаных колодцах дворов.

«О ком это она? О Багрове? О Мефодии?» – рассеянно подумала Ирка.

– Ты валькирия-одиночка! Понимаешь? Что бы на тебе ни лежало, ты одиночка, у которой есть светлая сторона! – настойчиво продолжала Фулона.

Ирка ощутила: валькирия золотого копья умеет вдохнуть уверенность в сомневающийся мир. Всем богат этот мир. Одного ему не хватает – веры.

Ирка кивнула, по-прежнему мало понимая, от чего ее предостерегают. Фулона ободряюще улыбнулась, что-то негромко сказала Таамаг, бережно державшей Филомену, и они исчезли вместе. За ними поспешно телепортировали другие валькирии. Бэтла и Гелата едва успели попрощаться с Иркой.

– Заходи как-нибудь ко мне! – крикнула Бэтла. – Я тебя люблю! В конце концов, какое Ламине дело, почему валькирия-одиночка – одиночка? Чего она лезет, ну скажи, чего? И к пажу моему тоже, между прочим, пристраивается...

Бэтла растаяла, а через секунду улетучился и ее заботливый оруженосец, которого ехидный Антигон из-за его страсти к вкусным макаронам «Макфа» давно прозвал «макфаносцем». Сама же Ирка давно называла его по-другому – «папа-птиц». «Папа-птиц» – это оттого, что оруженосец Бэтлы представлялся ей в виде воробья, который тащит в клюве червяка для своего далеко не худенького птенчика.

Бэтлы давно и след простыл, а Ирка долго с недоумением смотрела в пустоту, пытаясь понять, что она имела в виду. И что означали слова Фулоны: «Что бы на тебе ни лежало, ты одиночка, у которой есть светлая сторона»?

Антигон громко чихнул рядом, выводя ее из задумчивости. Ирка наконец осознала, что они с кикимором совершенно одни. Лук, из которого была выпущена роковая стрела, все еще валялся на асфальте. Ирка подняла его, подержала в руках и бросила. Ей стало ясно, почему напарник убийцы не позаботился о луке. Лук не хранил никакой памяти о своем владельце. Вообще ничего. Это была абсолютная пустышка с затертым прошлым и смутным настоящим.

Можно было, конечно, рыскать в Интернете или наобум бегать по магазинам, спрашивая у продавцов приметы покупателей в надежде на результат, но интуиция подсказывала, что это тупик и потеря времени.

Ирка отыскала глазами, где убийца ждал Филомену. Вот оно – припаркованный автомобиль, с настойчивостью уличного ловеласа подмигивающий вспыхивающим глазом сигнализации. За машиной Ирка обнаружила перевернутый ящик. Едва она увидела его, как на нее так мощно нахлынула память этого места, что она едва устояла на ногах.

Ей чудилось: она переживает все заново, будто сама стоит тут, у клена. На ящике сидит мужчина, прикрыв газетой лежащий на коленях лук. Сидит, разминает запястье правой руки и бормочет невнятные, внешне лишённые смысла звукосочетания, напоминающие имена демонов:

«Иишиима! Гарашиа! Баравараишиа! Бубиши! Мерроиг!».

Мужчина и сам не ведает, что означают эти слова. Он никогда не заучивал их и не слышал раньше. Они рождаются стихийно из заполнившей его сознание сосущей пустоты. Он не понимает, что задача призванных демонов пожирать его беспокойство и страх, мешая ему опомниться и раздумать.

Человек знает, что это последний час его земной жизни. Понимает он и то, что ему лично не придется стрелять из лука, тетиву которого он даже не умеет натягивать. Его задача иная. Как только из подъезда покажется валькирия, он произнесет формулу отречения и впустит в тело того, кому оно и так уже принадлежит.

А там пусть все будет так, как будет. Хозяин позаботится о нем, жалком смертном. Убийца из всех сил старается не усомниться в этом, но все равно липкий страх до тошноты сдавливает ему горло. Он даже не оглядывается, чтобы увидеть того, другого, который должен занять его место, если что-то сорвется.

У дублера тоже есть лук. Вот только стрелы нет. Стрелу им дали одну на двоих. Наконечники стрел, убивающих валькирий, большая редкость. За другим наконечником придется спускаться в Тартар. Так сказал хозяин. Странно, что хозяин лишний раз не хочет спуститься в Тартар, если он действительно так всесилен, как утверждает. Но об этом лучше не думать. Хозяин не прощает, когда сомневаются в его могуществе. Он вообще ничего не прощает. Наказание за любое прегрешение у него одно. Как в этом мире, так и в том, другом.

И потом, разве хозяин не признался однажды, что он пока еще не хозяин Тартара? Пока. Но времена меняются, и изгнанник может стать господином. Тогда первый, кто пошел за ним, тоже станет господином.

«Ушбилла! Ратуниша! Фероиг!» – произнесли синие от страха губы, и новые голодные демоны из простейших присосались к его бескрайнему ужасу.

Когда дверь подъезда открылась, мужчина приподнялся и сквозь стекла служившей ему укрытием машины убедился, что вышла именно та, которую он ждал. В отличном настроении Филомена спешила к Хааре. Ее оруженосец тащил огромный букет роз. Сама Филомена то и дело оглядывалась, потирая плечо.

Смертник засуетился, уронил лук, но, спохватившись, вновь забормотал бессмысленные слова: *«Меровагга! Жилизда! Иишамара!»*

Страхи отхлынули, без остатка выпитые демонами, и это дало ему отваги повернуть правую руку запястьем к лицу, коснуться запястья губами и произнести еще одно слово. Самое страшное. Почему-то Ирка не запомнила его, поняла только, что это было имя.

Призыв был услышан. Лицо мужчины мучительно дрогнуло. Глаза остекленели, выжженные изнутри. Сознание погасло.

Вселившийся огляделся зорко и цепко, как хищник. Всего секунда потребовалась, чтобы определить, где он находится, и прикинуть расстояние до цели. Ухмыляясь чужим, непривычным ртом, он наложил стрелу, до предела натянул тетиву и осторожно, почти бережно разжал

пальцы, выпустив ее на волю. Получив смертельную рану, Филомена застыла, затем рванулась, как взлетающая птица и – не знающее промаха копьё в последний раз рассекло мрак.

Встреча с копьём валькирии не входила в планы убийцы. Он дальновидно покинул тело до того, как, пронзенное, оно сползло на траву, и вселился в подготовленное сознание дублера. Выбрав момент, он оглушил оруженосца и забрал копьё. Древко испепеляющего копьё, сопротивляясь, до мяса прожгло ему ладонь, однако вселившийся лишь ухмыльнулся. Что за глупость? Неужели кто-то думает, что временные тела могут испытывать боль? Наивно, валькирии, наивно!

Собираясь уходить, он оглянулся. Тело, выпустившее роковую стрелу, корчилося на траве, синими губами кусая землю. *Ратуниша*, *Ушбилла*, *Меровагга* и прочие не помогли тому, кто недавно призывал их в смертной тоске. Да и зачем? Он уже выполнил свою работу и никому не был нужен, как не нужна одноразовая, измазанная кетчупом пластиковая тарелка, когда обед закончен.

* * *

Глядя себе под ноги, Ирка медленно брела домой. Она испытывала такую рассеянную и беспомощную опустошенность, что боялась телепортировать, чтобы не размазаться где-нибудь по пути.

Района Москвы, в котором жила Филомена, она совсем не знала, и куда идти, представляла себе плохо. Самым правильным в этом случае было выйти на нормальную большую улицу, которая рано или поздно закончится станцией метро.

Дома, точно сговорившись мешаться, вырастали у нее на пути, окруженные прихвостнями гаражей и заборов. Антигон бежал впереди и ежесекундно озабоченно оглядывался, точно опасался, что Ирка отстанет.

Внезапно валькирия-одиночка остановилась и отпрянула. Она ощутила, как нечто коснулось ее глаз. Она увидела плоскую равнину, которая пела и всхлипывала. После короткого вопросительного недоумения Ирка поняла, что это океан, но океан ночной, неразличимо слившийся с берегом.

Она, валькирия, присутствовала и там, на берегу, и одновременно в Москве, но это странное раздвоение не пугало ее и казалось естественным.

Еще Ирка увидела темный, четкий силуэт ладьи. Внутри ладьи были сложены сухие смолистые дрова, но Ирка поняла это, лишь когда ладья внезапно вспыхнула. Оранжевый, буйный всплеск пламени, взметнувшийся до туч, дружелюбно, как знакомый пес, лизнул лицо сухим жаром. Ладья сгорала без копоти, легко – она таяла в огне, теряя контуры, как растворяется на блюде кусок сахара, как смывается дождем с бумаги свежая акварель.

Ирка услышала крик – долгий, радостный, расколовший слежавшуюся мглу. Небольшая огненная птица отделилась от костра, рванулась сквозь рыхлые, сизые тучи, которые как тучные коровы пережевывали ночь, и исчезла, осыпая с пышного хвоста гаснущие красные искры. Это был бунт неупорядоченной и мятущейся жизни, которая, служа свету, служила ему неумно, буйно, по-язычески, и лишь теперь, примирившись, слилась с мудрой вечностью.

Звонящий крик птицы расползся в ночи и слился со всхлипами волн.

Океанский берег растаял, и перед глазами Ирки решительно проступил бок панельной пятиэтажки с редкими пятнами освещенных окон.

– Да, валькирии не свет. Но они рвутся к свету, и свет это знает, – тихо повторила Ирка.

Глава 2

Custos Morum¹

*В жизни часто так бывает, что копье, не знающее промаха,
бросают в птицу, в которую невозможно попасть.
Йозеф Эметс*

Лето истекало. От августа оставался один жалкий огрызок. Днем воздух еще дрожал от жары, но стояло солнцу хотя бы на минуту скрыться – сразу делалось не то чтобы холодно, но неуютно. Ветер трогал кожу зябкими пальцами и пакостно хихикал, нашептывая на ухо: «сссскорро осссень... ужжжже почти осссень!»

Прохожие, не сговариваясь, поднимали головы и пытались определить, когда пронесет крашеную марлю туч и снова покажется солнце. И солнце действительно появлялось, но откуда-нибудь с севера или северо-востока, со стороны Химок или из Медведкова, на него уже напознала новая крашеная марля.

«Нет, завтра все-таки надо взять куртку, – говорил себе человек. – И зонтик!» – уныло добавлял он несколько минут спустя.

Все чаще шли плаксивые дожди. В листве, как первая седина, проглядывали желтые листья. Осень наваливалась на Москву и, застенчиво сопя, готовилась давить ее подушкой. Лето огрызалось, билось как раненый зверь, но слабело, теряя листы календаря.

Днем Меф бесцельно блуждал по городу, ощущая себя кораблем без гавани, которому некуда плыть. От мрака он ушел, к свету еще не приблизился, да и не знал, признаться, как. Бедный, бедный он колобок! От зайца и медведя ушел, даже от лисы, допустим, ушел, а теперь куда? К деду с бабкой возвращаться – сожрут. Медведь, заяц и волк тоже сожрут, если повторно встретят. Вообще куда ни катись, с кем ни разговаривай – везде сожрут. Только и остается, что прятаться от всех на свете и ждать, пока не зачерствеешь от времени и не покроешься зеленой плесенью. Безрадостная перспектива, тупиковая.

Меф это смутно осознавал, вот только выхода пока не видел.

И еще одно открытие неприятно поразило его. Прежде Мефу казалось, что он внутренне автономен и прекрасно переносит одиночество. Вот уж сказка про белого бычка! Это оказалось очередной ложью про самого себя, одним из тех резервных самообманов, которые мы охотно рассовываем по всем карманам про запас и с которыми так мучительно расстаемся.

Без Дафны, которая все еще была в Эдеме, Меф плавился от одиночества, как электрический предохранитель. Ему хотелось, чтобы рядом был хоть кто-то, способный производить осмысленные звуки и отвлекать его от одиночества.

Прежде, когда Меф с утра и до ночи вкалывал в канцелярии, отвлеченные мысли нечасто посещали его. Работа забирала все силы. Теперь же новые идеи и наблюдения жадно врываются в распахнутые двери его сознания.

Созерцая на улицах толпы, Меф внезапно понял, что темп жизни в городах такой сумасшедший, а поток людей, с которыми приходится общаться, такой бешеный, что у большинства зачастую нет ни времени, ни желания разбираться друг в друге. Чаще всего знакомым выставляются быстрые и неглубокие оценки – «отл.», «норм.», «удовл.» Или фразы-пометки: «отличный парень», «оп, загрузон!», «не держит слова». Пометки и оценки определяют интонации голоса и наши поступки. И точно так же, как судим мы, так судят и нас. Смешно и глупо.

¹ Страж нравов (лат.).

На плече у Мефа болтался временно унаследованный Депресняк. В отличие от Дафны, Меф разрешал коту все: влипать в драки, нырять в мусорные контейнеры, воровать из ресторанчиков рыбу. В первые дни кот отрывался по полной, однако уже на третьи сутки вид у него был порядком озадаченный. Кот насытился вседозволенностью, обожрался, заскучал и теперь мало-помалу врубал заднюю передачу. Меф пытался разговаривать с ним, однако Депресняк лишь шурился и скрипел, как ржавая дверь, которую пытаются отжать ломом.

– Никакой в тебе нежности, старая развалина! Вор ты и жулик! Даже в Эдем тебя не взяли! Видно, Дафне сейчас не до тебя!.. И не до меня! – ворчал Меф.

Ругая Депресняка, Меф машинально поймал себя на том, что чешет его подбородок.

Ему невольно вспомнилось рассуждение Дафны, что люди делятся на тех, кто больше любит живое, и на тех, кто предпочитает неживое. Живое – это всяческое зверье, деревья, туристические походы, общение, гитара, изгрызенные щенком ботинки, семечко лимона, на авось засунутое в первый попавшийся горшок. Неживое – вещи, предметы, музейный порядок в квартире, коллекционирование и прочее из этого ряда. Чимоданов, например, больше любит неживое, а Мошкин живое. Встречаются, конечно, и смешанные типы, но главным может быть только одно.

«А Ната?» – спросил, помнится, Меф, когда Дафна впервые привела ему эту классификацию.

«Вихрова любит саму себя, а это уже в отдельную коробочку», – отвечала Дафна.

Город, по которому блуждали Мефодий с Депресняком, был огромен, но как всегда бывает в больших городах, люди не замечали друг друга и шли, как заведенные роботы, не поднимая глаз и не глядя по сторонам.

Раза три Меф заходил к Эде в его подвальчик под синим козырьком. Ему было известно, что его дядя говорлив как попугайчик и способен растопить своей болтовней даже застрявшую в морозильной камере Снегурочку. Вот только найти Эдю без предварительного звонка оказалось нелегко. В первый раз Меф его не застал: смена оказалась другая. В следующий раз смена была та, но Эдя с кем-то поменялся. Он вечно комбинировал на тему, что бы такое сделать, чтобы больше ничего не делать.

И лишь в последний раз встреча двух Хавронов (один из которых был Хавроном на четверть и хитро прикрывался новгородской фамилией) состоялась.

Эдя не удивился визиту племянника. Для удивления у него было слишком скользкое и вспыхивающе-дробное мышление, которое захватывало детали, упуская суть. Он усадил Мефа за столик в углу и, щелчком большого пальца отодвинув пепельницу, поставил перед ним большую тарелку с салатом, который, по словам Эди, «все равно на фиг никто не заказывает».

Пока Меф вилок выковыривал из салата яйца и грибы, игнорируя все остальное, Хаврон сидел напротив и рассуждал, что ему стоит коротко и ясно подстричься, чтобы его растущая лысина не вызвала жгучей зависти у тех, у кого она пока впереди.

– Недостатки надо выпячивать, чтобы они становились достоинствами. Визитной такой карточкой. Когда лет через десять я стану толстым, как арбуз, я буду носить обтягушечки. Всякие, знаешь ли, тесные водолазки.

– Ты и сейчас не худой! – заметил Меф.

Эдя обиделся:

– Ну уж нет! Пока это так, конспект будущей книги... Кстати, у нас на кухне появился китаец! Реальный китаец! Хочешь посмотреть, как он с ножами работает? Загляденье! Кладет сырую морковь – раз-раз. Глазом не уследишь! А мясо как разделявает!

Меф не пожелал смотреть на китайца.

– Я ножей боюсь, – сказал он.

– И правильно. Что ты, толканутый, с железками бегать? Ты у нас гимназист, будущее, блин, дарование, – ехидно согласился Эдя.

– Дядя, перестань! – с досадой сказал Меф.

Это был едва ли не пятый случай в жизни, когда он назвал Хаврона дядей. Эдю передернуло. Он ненавидел, когда его «дядят».

– Сам ты дядя!.. Дяди – это которые ночью у вокзала пиво пьют, а тети им наливают, – кисло сказал Хаврон.

Меф засмеялся и, не удержавшись, сообщил, что вылетел из гимназии Глумовича. Хаврон вопреки ожиданию не обрадовался.

– Ну и осел! Помучился бы еще годик. А так будешь, как я, всю жизнь с подносом бегать, – заметил он.

– Ну, значит, так мне и надо. На дураках воду возят, – вспомнил Меф пословицу.

Эдя с ним не согласился:

– Ну уж нет. На дураках воду возить себе дороже. Дурак заблудится, а ты от жажды помрешь.

* * *

Встречи с Эдей развеивали Мефа ненадолго. Его блуждания по Москве в поисках неизвестно чего и в нетерпеливом ожидании Дафны продолжались. Он размеренно, яростно и упорно убивал время, считая, что дни без Даф – это так, оберточная бумага, от которой надо поскорее избавиться, чтобы добраться до того, что внутри.

Меф был слишком нетерпелив, чтобы сидеть и ждать Дафну на одном месте, как ждут серьезные взрослые люди. Они ждут, но в то же время спокойно живут. Работают. Читают журнальчики. Со вкусом обедают. Ходят в гости. У Мефа же все превращалось в двигательное, волнительное беспокойство. Он вообще не мог присесть и сосредоточиться – мог только ездить или ходить, уматывая себя до той степени, когда можно было только упасть и уснуть.

Нередко Меф, как некогда валькирия-одиночка, впрыгивал в передние двери автобуса, не взглянув даже на его номер – да и что ему было до номера? Он подносил к турникету ладонь, и тот доверчиво мигал зеленым глазом, пропуская его. Меф даже не задумывался, как это у него получается. Механизмы как таковые были ему глубоко неинтересны. Ему вполне доставало власти над ними.

Меф ехал до самого конца, когда все двери вдруг разом распахивались, и автобус быстро пустел. Тогда выходил и он. Озирался как зверь, не понимающий, где он, и долго шагал сквозь жилые кварталы, глотая бензиновые московские километры, пока из пустоты не выпрыгивала новая остановка.

Однажды очередной заблудившийся автобус завез его на Юго-Запад. Эту часть города ни с чем нельзя было спутать. Она опознавалась по громадности домов, не столько высоких, сколько бесконечно длинных и массивных, и по излишней, давящей ширине прямых проспектов, по которым, не встречая преград, бродили нервные лохматые ветры.

На перекрестке Меф увернулся от гудящего оводом мотоцикла, от пузатой как жук машины. Остановился, осознав, что совсем не сюда ему нужно. Пошел было вдоль проспекта, но один из тех экологических ветров, которыми жители Юго-Запада так гордятся, швырнул ему в лицо горсть пыли, а его налетевший сбоку приятель смятую бумажку, улиткой завернувшуюся на шее. Бумажка оказалась чеком из супермаркета.

Меф на всякий случай внимательно прочитал его, размышляя, насколько этот чек случаен и нет ли в нем хитрого намека Вечности? Если допустить, что случайности – игрушки лентяев, которым не хочется думать, то и эта прицепившаяся к нему бумажка что-то должна значить. Может, все дело в списке покупок? Ну-ка, что там? Мешки для мусора, бельевая веревка, сметана, рогалик хлеб. – бул., мыло.

В рогалике хлеб. – бул. и мешках для мусора ничего рокового не обнаруживалось, а вот мыло с веревкой наводило на определенные размышления, которые, правда, перечеркивала ни к селу ни к городу вписавшаяся сметана.

Решив, что ничего мистического нет, Меф разжал пальцы, вернув ветру его подарок. Ветер принял его неохотно, но тотчас заигрался и куда-то унес.

Все же Буслаев неожиданно для себя свернул в супермаркет, взял пару шоколадок и банку сгущенки. Шоколадки, потому что проголодался, а сгущенку стихийно. Вышел и побрел через дворы, шурша шоколадной фольгой. Здесь за Мефом увязалась белая дворняга с черным пятном на морде. Депресняк зашипел на нее, но бросаться не стал – было лень. Лая отрывисто и звонко, как велосипедный звонок, пес выпросил кусок шоколада, понюхал, но есть не стал и, вспомнив о чем-то важном, убежал.

От нечего делать Меф изменил направление движения и свернул туда, куда умчался пес. Прошел метров сто и внезапно услышал крик. Обернулся. Совсем близко, у крайнего подъезда, два молодых парня бойко как петухи насакивали на старика.

Старик, обороняясь, размахивал палкой с резиновым наконечником. Размахивал так решительно, что парни пока не приближались.

– Ты что, отец? Пойдем домой, отец! Не буянь! – повторяли они и, поглядывая на прохожих, разводили руками. Ну что, мол, сделаешь с этим воякой?

Прохожие на секунду притормаживали. Бросали испытующий взгляд. Парни белозубо улыбались, демонстрируя уверенное миролюбие. Проходите мимо, господа хорошие! Вас не трогают, и вы не лезьте! Все нормально!

– Пить ему нельзя! А тут хлебнул и разбуянился! Пошли, отец, пошли! Отдохнешь, отоспишься, телевизор посмотришь! – повторяли они.

Время от времени кто-то из парней боком, как краб, пытался приблизиться сзади. Старик, молчаливый, сосредоточенный, поворачивался и встречал его ударами палки.

Парень отступал и вновь начинал голосить:

– Батя, да ты что, батя? Идем домой! Мы же добра хотим!

Меф хотел уже пройти мимо, как и остальные прохожие – вдруг старик, правда, выпил лишнего, но вскормленная в резиденции мрака подозрительность остановила его. Если приглядеться, многое не вписывалось в картину трогательной заботы о ближнем. Во-первых, сами парни. Они были невысокие, крепкие, внешне неброские, очень сосредоточенные. Буслаев, сам боец, отлично знал, что именно таких в схватке надо опасаться в первую очередь.

Да и голоса парней, которыми они успокаивали «батю», пожалуй, были слишком театральны. Для людей, которым нет-нет, а перепадало палкой по плечам, головам и рукам, в их голосах звучало *слишком много* добра. Меф скорее поверил бы, если бы они покрывали старика матом. Это было бы достовернее. Нет, к этому дешевому актерству стоит еще приглядеться.

Странно и другое, почему старик не зовет на помощь? Не голосит, не орет «караул!». Алкаши, когда их бьют, обычно не забывают кричать и работать на публику. Нет, этот выглядит выбившимся из сил, уставшим, но совсем не растерянным. Сражается, как старый, со столенными клыками волк, готовый умереть.

Неожиданно Меф осознал, что парней совсем не двое. Третий парень, тоже невысокий и ладный, приближался к старику сзади, от стены дома. Он подходил боком, как посторонний, нарочито небрежно поглядывая по сторонам. Меф скользнул взглядом по его фигуре и внезапно заметил, что на сжатой в кулак правой руке парня что-то тускло блеснуло. Ага, так и есть: кастет. От старика парня отделяло всего шага два. Старик его пока не видел.

Ветер мазнул по лицу. Меф бросился наперерез, уже понимая, что не успевает. Два метра у парня и метров пятнадцать у него. Старик получит по затылку кастетом еще до того, как он, Меф, добежит. Внезапно ощутив, что держит в руке что-то подходяще увесистое, Меф размахнулся и, не задумываясь, метнул с такой силой, что мышцы спины рвануло сухой болью.

«Банка сгущенки! Надо же!» – понял Меф, заметив синеватый, с белым рисунком бок, мелькнувший перед глазами.

Лишь когда банка, пролетев по дуге, врезалась парню в затылок, Буслаев осознал, что, запуская ее, даже не применил дара. А ведь мог бы и промазать! Парень дернулся, недоуменно стал оборачиваться к Мефу, но внезапно ноги его подломились, и он беззвучно рухнул набок.

Два других парня перестали наскакивать на старика и цепко уставились на Мефа. Без злобы так, сосредоточенно посмотрели, как кошка на птицу. Летай, мол, себе, птичка, покуда, но сядешь близко – не жалею потом! Затем переглянулись, будто совещаясь, и стали действовать уверенно и слаженно. Один из двух, наклонившись, деловито сдернул с руки рухнувшего приятеля кастет и сунул в карман. Затем, разом подхватив его под мышки, оба быстро потащили потерявшего сознание сообщника по асфальтовой дорожке наискось, где белела крыша припаркованной машины. Неброские старые «Жигули» без номеров. Выскочат из памяти – не нашаришь.

– Заболел паренек! Солнечный удар! Водичкой sprysнем – новенький будет! – охотно и быстро пояснял один на ходу.

Другой отмалчивался. Скалил полоску белых зубов. Часто оглядывался на Мефа. Желал запомнить.

«Нет, не испугались! Быстро просчитали, что следов оставлять нельзя. Никаких лишних эмоций! Серьезные ребята!» – оценил Меф.

Он подошел к старику. Тот стоял, все еще держа наготове занесенную палку. Резиновый наконечник вздрагивал, точно укоряя верхние этажи соседнего дома.

– Все в порядке? – спросил Меф.

Старик настороженно оглянулся, секунду помедлил, изучая его лицо, и опустил палку.

– Доведи меня до квартиры, дружок! А то мне как-то нехорошо... – попросил он и вдруг навалился на Мефа шаткой тяжестью.

Меф едва устоял на ногах, но старик уже выправился и даже ободряюще улыбнулся. Алкоголем от него не пахло, даже близко. Да, сомнений нет, парни нападали на трезвого и совершенно нормального человека. Меф понял, что правильно поступил, швырнув банку.

– Не обращай внимания! Все нормально. Только голова немного кружится, – сказал старик, пытаясь улыбнуться.

Меф повел его к лифту. Пожилой человек ступал довольно твердо, вот только губы у него были синие. Даже с фиолетовым отливом. Меф пожалел, что, в отличие от Дафны, не обладает даром исцелять.

– Вызвать «Скорую»? – предложил он.

– Не стоит... Это бывает. Все лекарства у меня дома.

– Чего они от вас хотели? Ну эти, трое? – спросил Меф.

Старик отпустил его руку и оперся о кафельную стену у лифта. Меф ощутил короткую, сразу отхлынувшую волну сомнения.

– Ну как тебе сказать?... Для одинокого человека у меня слишком большая квартира. Некоторым кажется, что она должна быть компактнее. Два метра в длину и сантиметров шестьдесят в ширину... – мрачно пояснил старик, не то вшагивая, не то падая в подошедший лифт.

Меф последовал за ним. Лифт поднимался толчками, очень медленно. Их лица соседствовали: Буслаев и старик были одного роста. Только один рвался вверх, другого же время пригибало к земле.

Старик, не отводя глаз, спокойно разглядывал Мефа. Его голова была похожа на облетевший одуванчик. Беззащитная, голо-пористая, на тонкой шее. Когда старик говорил, голова вздрагивала и откидывалась назад, точно от ветра. Желто-седые волосы торчали как пух и усиливали сходство с одуванчиком.

– Что, страшный? – понимающе спросил старик.

– Да нет, – поспешно заверил его Меф и, понимая, что старик ему не поверил, добавил:
– Ерунда все это!

Старик усмехнулся, оценив искренность.

– И правда, ерунда! Как ни крути, большая часть жизни приходится на старость. От пятидесяти до восьмидесяти столько же, сколько от нуля до тридцати. Сейчас тебе, конечно, не понять, но когда-нибудь... – Старик замолчал и уверенно протянул Мефу коричневатую, неожиданно сильную ладонь.

– Будем знакомы. Азеф Ефимыч. Но это длинно. Зови меня Азеф.

– Мефодий.

Старик на мгновение закрыл глаза, точно пробуя имя на вкус.

– Звучно. Ко многому обязывает, – вполголоса оценил он.

Квартира у старика была большой и гулкой. На рассохшемся дубовом паркете лежали яркие пятна солнца. Массивный, семидесятих годов приемник, ловя неведомую волну, откашливал забытый фокстрот. На ковре висела тусклая, узкая, сильно загнутая сабля с неотчетливой, почти безвольной рукоятью.

– Персия. Конного боя. В пешем ей только колбасу пилить, – не задумываясь, сказал Меф.

– Я вижу, ты знаешь в этом толк... Подарок одного монгола. Хороший был парень, занимался джигитовкой. С коня тушил саблей свечи. Мы вместе гастролировали много лет, – сказал Азеф, не оборачиваясь.

Он стоял у шкафа с лекарствами, деловито выщелкивая на ладонь таблетки. Меф был послан на кухню за водой. Когда он вернулся, губы старика уже не были синими.

– Вы циркач? – спросил Мефодий.

Старик ответил не сразу. Медленно, мелкими глотками выпил воду и поставил чашку на подоконник.

– Воздушный гимнаст, хотя сейчас в это непросто поверить. Ты когда-нибудь слышал о Сулержицком?

– Нет.

Азеф махнул рукой.

– Неважно. Поговорим о другом. Ты помог мне. Зачем?

– Ну надо же помогать людям... Вы не звали на помощь. Почему? – с интересом спросил Меф.

Старик покрутил в пальцах коробку, поставил ее на место и пальцем захлопнул шкафчик.

– Не люблю казаться слабым. Ты ведь тоже не любишь, не так ли?

– Мало кто любит. Если только слабость не используется как атакующее оружие, – сказал Меф, вспоминая Вихрову. – Эти трое... Они вернутся?

Старик внимательно посмотрел на Буслаева. В его взгляде, как показалось Мефу, скрывалась ирония. Еще бы: шестнадцатилетний юнец с хвостом светлых волос, чудом подшибивший налетчика банкой со сгущенкой, лезет покровительствовать. Наглость, самоуверенное, хотя, возможно, не самое плохое поколение.

– А если вернутся, ты что, будешь меня защищать? Наберем много банок со сгущенкой, с кукурузой, с зеленым горошком и устроим тотальную войну? – спросил он.

– Ну хотя бы попытаемся, – осторожно сказал Меф.

Азеф кивнул, оценив точность и искренность ответа.

– Что ж... Лучше вдвоем, чем одному. Но поначалу попытаюсь разобраться сам. Не в первый раз, – сказал он, кивнув на телефон.

В его тоне было нечто такое, что Меф почувствовал: Азеф ставит точку и просит его уйти.

– Ну как хотите! Если что – звоните! – сказал Буслаев и продиктовал свой номер.

Старик записал номер прямо на обоях, используя ручку, болтавшуюся на нитке у телефона. Мефу показалось, для того, чтобы не обижать своего молодого знакомого. Меф вышел на площадку и сел в лифт, чувствуя на себе внимательный, испытующий, почти физически ощутимый взгляд старика.

Кабина была уже внизу, а старик все смотрел на закрывшиеся двери лифта.

Внизу у подъезда Меф нашел свою сгущенку. От знакомства с затылком банка не пострадала, хотя этикетка и была счесана последующим падением на асфальт.

«На ужин пригодится», – решил Меф.

Глава 3

Недогавриков и городские озеленители

Характер страны – это усредненный характер ее жителей. Сила страны – это сумма характеров ее жителей.
Арифметика бытия

Сухой палец времени перекидывал на счетах жизни костяшки дней.

Нередко в районе полудня само собой получалось, что Меф оказывался недалеко от Большой Дмитровки. Стоило забыться, и ноги сами несли его в канцелярию. Однако за две недели Меф уступил искушению лишь однажды. И то, чтобы забрать свои вещи.

Отогнув сетку, Меф привычно наклонился, чтобы не задеть нижнюю перекладину строительных лесов. Жутко вспомнить, сколько синяков набил о нее он сам, а еще больше высоченный Мошкин. Один Чимоданов был такого удачного для быта размера, что поручни в метро, дверные притолоки и прочие неудобства, с которыми постоянно сталкиваются высокие люди, не представляли для него опасности. Даже подголовники автомобильных сидений оказывались у Чимоданова как раз на нужной высоте.

«Ты абсолютно среднестатистический пошляк абсолютно среднестатистического роста!» – внушала Чимоданову Улита.

У дверей резиденции Меф поймал себя на том, что трогает языком скол переднего зуба. Это был явный признак волнения, и, рассердившись на себя, Меф остановился. Он стоял и смотрел на дверь, известную ему так хорошо, что он с закрытыми глазами, находясь внутри, безошибочно определял, кто пришел.

Говоря откровенно, это было совсем не сложно. Мошкин обычно приоткрывал дверь едва-едва, а затем протискивался боком, точно опасался побеспокоить кого-то своим слишком шумным появлением. Чимоданов, напротив, распахивал дверь пинком, так, что она врезалась ручкой в стену.

– Что, гады, не ждали? – громогласно вопрошал он и бывал очень смущен, когда «гадом, который не ждал», оказывался, скажем, задумчиво разглядывающий его Арей.

Ната, уверявшая всех, что у нее слабые руки, всегда поворачивалась перед дверью боком и толкала ее бедром, издавая жалобные призывы, чтобы кто-нибудь ей помог. Если никто не помогал – Вихрова неплохо справлялась и сама.

Арей открывал дверь решительно, уверенно, но входить не спешил и замирал на пороге, точно испытывая терпение притаившегося убийцы, который мог кинуться на него из полумрака. Именно по этому зазору между скрипом и шагами мечник и опознавался безошибочно.

Улита толкала дверь бедром, как и Вихрова, но не оттого, что считала себя слабой, а потому, что руки у нее вечно бывали заняты покупками. При этом она обязательно что-нибудь роняла. Начиная поднимать, пыхтеть, громко выражать недовольство, и всем этим ярко обозначала свое присутствие в мире.

Воспоминания Мефа прервал шорох. Он оглянулся и увидел двух надушенных суккубов, пробиравшихся под лесами. Обнаружившийся у них на пути Буслаев оказался для суккубов полной неожиданностью. Один зашаркал ножкой. Другой, зная, что Меф никакой уже не наследник, принялся хорохориться и выпячивать грудь, но беспричинно струсил и тоже зашаркал ножкой.

Поняв, что он замечен и отступление невозможно, Меф толкнул дверь канцелярии. Пятое измерение впустило его неохотно. Несколько секунд оно приглядывалось к Буслаеву как к чужаку, с подозрением ощупывая его, как слепец ощупывает пальцами лицо нового человека.

Эти несколько томительных секунд Буслаев видел обшарпанные стены и строительный мусор дома, пребывающего в состоянии хронического ремонта. Наконец Меф ощутил упругое дуновение иной реальности. Мир сгущенных красок и пляшущих теней надвинулся на него. Вот длинные заваленные пергаментами столы, вот скучные канцелярские шкафы с папками, а вот и лицемерно хлопающий глазками портрет Лигула. Все прежнее и все уже чужое.

Из сотрудников в канцелярии находились только Улита и Чимоданов. Мошкин и Ната куда-то слиняли. По этому признаку Меф определил, что шефа нет, и немного расслабился.

Чимоданов встретил Мефа равнодушно, хотя не виделись они уже довольно давно. Петруччо сидел за столом и что-то быстро строчил, часто окуная перо в чернильницу. На нем была короткая, собственного изготовления жилетка, вместо ниток прошитая кожаными шнурами.

– Проекты составляет. Повышает коэффициент общего негодяйства... Совсем этот Лигул забодал всех бонусной системой! – пояснила Мефу Улита.

Ведьма взмахнула печатью мрака и очередной проштампованный суккуб затряхал к дверям, потирая лоб.

– И чего ты, птенчик, сюда залетел? – поинтересовалась она у Мефа.

– За вещами.

– А-а... Ну-ну! – сказала Улита насмешливо и встала, чтобы взять с полки папку, переплет которой тоскливо слезился человеческим глазом.

– Видок у тебя одичалый! Что твоя светлая, не вернулась еще? – поинтересовалась она.

– Нет.

Ведьма фыркнула.

– Ты смотри, чтоб она там не поумнела в Эдеме! Девушкам вредно быть умными. По себе знаю. Это угнетает репродукцию и плохо влияет на общее течение влюбленностей.

Меф мысленно толкнул Улиту сзади под колени. Этот фокус он отработал давно. Главное, незаметно установить визуальный контакт, а затем, слив свои ноги с чужими, сделать требуемое движение. Не успев защититься, ведьма грузно рухнула на стул.

– Шеф, девочку обижают! – крикнула она в приоткрытую дверь.

Меф вздрогнул.

– Разве Арей здесь? – нервно спросил он.

– А-а, испугался!!! – восторжествовала Улита. – То-то же!.. Ладно, топай за своими вещами. Раньше вечера Арея все равно не будет. Его вызвали в Тартар.

Меф привычно напрягся.

– Зачем в Тартар?

– А тебе-то что за дело? Ты теперь другой конторе служишь – вот и служи! – резонно отвечала Улита.

Мефодий не стал ее разубеждать. Попробуй объясни, что нити старых привычек рвутся тяжело и мучительно. Прошрое уже вычеркнуто и уничтожено, но ничего нового пока не построено, и невольно приходится возвращаться к обломкам.

Меф поднялся на второй этаж. В его комнате ничего не изменилось. Едва ли кто заходил сюда без него. Вот «Книга Хамелеонов» на подоконнике, а вот желтая настольная лампа с гнувшимся хоботом. Когда-то ради озорства он прилепил к ней кусок комиссионерского пластилина и, бывало, когда лампа разогревалась, пластилин попискивал. Хобот лампы был по-прежнему нацелен на тетрадь, в которой Меф отмечал отжимания, подтягивания и время, которое стоял на кулаках. Вспомнив, что в последнее время он почти забросил тренировки, Меф ощутил укол совести.

Буслаев немного посидел на кровати, размышляя, а затем вытащил большую спортивную сумку и стал собирать вещи. Начал он с оружия, занявшего добрых три четверти сумки.

Меф не предполагал, что за несколько лет у него накопится столько всего. Не считая меча – две рапиры, шест, алебарда, боевой топор, мавританская пика, стилет, кулачные щиты и

кинжалы разных видов, множество ножей, три лука, арбалет. Самое громоздкое – шест, пику, алебарду, топор, луки с арбалетом, все щиты, кроме одного, любимого, со шпаголомом, он свалил на кровать, решив, что оставит их частично Мошкину, частично Чимоданову. С собой Меф взял лишь то, с чем так и не сумел расстаться.

Но даже и при этом раскладе вышло, что расстаться он не сумел с очень и очень многим. Сумка получилась неподъемной. Когда Меф оторвал ее от пола, ему почудилось, что рука у него отвисла до колена, как у обезьяны. А надо было еще положить зубную щетку, мыльницу, пару полотенец, несколько футболок, тетради и кое-что другое, по мелочи. Всю зимнюю и осеннюю одежду Меф бросил в резиденции, решив, что брать все сразу явный перебор. Да и желание собраться у него уже иссякло.

Последним в сумку забрался Депресняк, устроился в майках, прокопав себе логово, и нагло устался на Мефа. Буслаев хмыкнул и задвинул его молнией. Он надеялся в качестве моральной компенсации прищемить коту хвост, но тот его дальновидно убрал.

С порога Меф еще раз оглянулся.

– Ну вот и все! Спасибо этому дому – пойду к другому! – сказал он.

«Книга Хамелеонов» затряслась, истерично запрыгала, точно требовала, чтобы Буслаев немедленно открыл ее, однако Меф не стал к ней даже подходить. Волоча по ступеням бряцавшую оружием сумку, он спустился по лестнице.

* * *

Дафна провела в Эдеме две с половиной недели. На две недели Меф настроил себя заранее, а вот к последней половине оказался не готов, и она стала для него особенно мучительной. Но вот, наконец, и она миновала.

Появилась Дафна внезапно, не утром, но еще не вечером, в ту смутную часть дня, когда уже не работается, но еще не отдыхается. Меф без всякого дела шатался по улицам, когда вдруг увидел ее маленькую фигурку, мелькнувшую между домами. Мгновенно узнав, он рванулся к ней, подбежал и остановился в шаге. Дафн смотрела на него, внутренне светясь, хотя внешне оставалась серьезной. В руках у нее Меф увидел флейту. От бронзовых крыльев на шее исходило слабое сияние.

Депресняк, по обычаю всех котов, не стал проявлять бурной радости. Он приблизился к хозяйке и подозрительно обнюхал ее ноги, ревниво проверяя, не терлись ли о них другие коты. И лишь после этого небрежно потерялся сам.

Наступив на кота, Меф метнулся к Дафне.

– Как ты? – спросили они в одно и то же время, и вопросы, столкнувшись, отскочили как бильярдные шары.

– У меня все хорошо! Яд вывели. И мавки, и тот прежний, на флейте. Мне вернули маголодии и крылья. Я много летала все эти дни! Очень много!.. Дорвалась! Меня хотели еще на неделю оставить, но я сбежала, – сбивчиво сказала она. – А ты как? Где ты жил?

– У Недогаврикова, – с улыбкой ответил Меф.

Он потому и улыбался, что знал, какую реакцию вызовет у Дафн звучание фамилии Недогавриков. Вроде бы не полный Гавриков, а так, ни то ни се. Недогавриков был одним из многих прежних приятелей Улиты, которого ведьма попросила ненадолго приютить Мефа. Ведьма догадывалась, что к матери Меф не вернется, равно как и в гимназию к Глумовичу, где за ним еще числилась комната.

– Как-как? – переспросил, помнится, Меф, впервые услышав фамилию.

– Даже и не думай издеваться! – предупредила ведьма. – А то знаю я тебя! Заявишь, что ты Недобуслаев! Чувство юмора у тебя, как у Недочимоданова... тьфу ты!

Приятель Улиты оказался молчуном. Причем молчуном настолько хроническим, что Меф не понимал, как он сумел когда-то познакомиться с Улитой. Должно быть, ведьма говорила сразу за двоих и, принимая во внимание ее вербальные дарования, неплохо с этим справлялась.

За две недели Меф слышал голос Недогаврикова всего три или четыре раза, когда тот отвечал по телефону. В остальное время им вполне хватало жестов. Если прежний приятель Улиты показывал на пылесос или швабру – это означало, что сегодня очередь Мефа убирать. Если с грохотом выдвигал в кухне вторую табуретку – приглашение к столу. Если заходил к Мефу и демонстрировал пустой пакет – это переводилось: «Закончился хлеб. Топай в магазин!»

В первые дни Меф по привычке пытался произносить хоть какие-то слова. Ну, допустим, «доброе утро!». Недогавриков сдержанно кивал, подтверждая, что он вполне осознает тот факт, что утро не злое, а довольно-таки доброе, однако обмусоливать эту тему до бесконечности не имеет желания.

Тогда Меф и «привет!» перестал говорить к полному удовольствию хозяина квартиры. Лишь дружелюбно кивал и получал в ответ не менее дружелюбный кивок. Вскоре Меф с удивлением обнаружил, что для нормальных мужских отношений слова не особо и важны. Вполне достаточно кивка, рукопожатия или спокойной улыбки.

Похоже, речь как таковая возникла, когда в жизнь мужчины пришла женщина и стала загружать его утомительными поручениями. Ну, например, выбить палицей шкуру мамонта или камнями загнать домой расшалившихся ребятишек. Мужская дружба в ту эпоху уже сложилась в своем современном варианте и особых изменений не претерпела.

Когда Дафна вернулась, Мефу стало ясно, что пора искать себе другое жилище. Он подошел к Недогаврикову, ткнул себя пальцем в грудь и показал на входную дверь. Недогавриков в ответ поднес левую руку к сердцу, а правой сделал «пока-пока!».

* * *

Бродя по городу, Мефодий и Дафна размышляли, где им поселиться.

– А если к Эссиорху? – предложила Дафна.

– У Эссиорха живет Корнелий. Он меня раз десять в день будет вызывать на дуэль, чтобы продемонстрировать, как он лихо цеpleет флейтой за шкаф.

– Не издевайся!

– Я не издеваюсь. А у тебя он будет просить телефончик.

– Ты что, ревнуешь? – уловив новую для себя интонацию, с любопытством спросила Даф.

– Ревнует – значит любит, – сказал Меф.

– Бред! Ревность – это как жидкость для разжигания костров, которую покупают неопытные туристы. Когда человек начинает подливать ревность в огонь любви, значит, огонь сам по себе уже едва горит. Или пламя не греет и хочется его усилить. В общем, что-то не в порядке, – убежденно сказала Даф.

Она предложила Мефу не изобретать велосипед, а пойти по стопам Эссиорха.

– Найдем неудачливую квартиру, в которой должно что-то случиться, и поселимся там. Хозяева только спасибо нам скажут, – сказала она.

Меф не возражал. Он предположил, что, если не заморачиваться, неудачливую квартиру можно найти еще до вечера. Главное, чтобы не на «Речном».

– Почему не на «Речном»? – удивилась Дафна.

– Там снимают Прасковья с Ромасюсиком. Не стоит особенно толпиться в одном районе. Хотя, конечно, странно, что они устроились так скромно. Уверен, при минимальном желании

Лигул разместил бы Прасковью всемеро лучше. Дворец в Трансильвании, виллу в Ницце – мало ли у мрака резиденций?

– Лигул хочет, чтобы Прасковья освоилась в этом мире. А освоиться человек может, когда его не защищают от бытовых трудностей, – предположила Дафна.

– Ну так это еще не трудности! Если нужны трудности – то тогда не в Москву на «Речной вокзал», а куда-нибудь за Урал, в общагу. Там бы шоколадного Ромасюсика сожрали в три минуты, а Прасковье пришлось бы зубами выгрызть себе экологическую нишу, – сказал Мефодий.

Даф засмеялась.

– Выгрызть она научилась еще в Тартаре. Сейчас же ей нужно нечто совсем иное... Понять течение жизни, уловить ритм, – заметила она.

* * *

Почти сразу обнаружилось, что Меф не наделен даром отыскивать неудачливые квартиры. Для этого тонкого умения он был слишком прямолинеен. Ему недоставало тонкости, чтобы осязать трепетную паутину бытия, не обрывая ее.

«Чтобы пришить пуговицу – нужна игла, а не лом!» – часто говорила ему Улита.

Тогда Дафна взяла поиски на себя. Меф удивился, когда перед ними вдруг выросла вывеска:

«Министерство образования Российской Федерации Институт
городского озеленения и цветоводства
Общезнание».

– Ты уверена, что ничего не перепутала? – поинтересовался Меф.

Даф стояла снаружи и согнутым пальцем выковыривала из только что купленного батона макиш. Корку она всегда оставляла напоследок как заслуженное и отсроченное удовольствие.

– Нет, – заверила его Даф, засовывая нос в горбушку. – Через полтора месяца вот в этот угол должен въехать трейлер. Отказ тормозов. Крайнюю комнату снесет начисто, хотя дом и устоит.

– А хозяин комнаты? Он не пострадает?

– Не хозяин. Хозяйка... Она сейчас в Баку и пробудет там еще полгода. Вот только как быть с трейлером? Он все равно должен во что-нибудь въехать. В противном случае Тартар придерется, что мы меняем историю, – озабоченно сказала Дафна.

– Можно устроить, чтобы трейлер столкнулся с Мамаем на пару минут раньше. Посадим Мамаю за руль другого трейлера. Бух! И все получают удовольствие, – предложил Меф, заранее радуясь масштабности зрелища.

– Мамай – комиссионер мрака. Ты больше не имеешь права его ни о чем просить, – категорично напомнила Даф.

Рука с батонем случайно оказалась слишком близко от головы Мефа. Не удержавшись, Буслаев сделал быстрое движение.

– Только не корку! Я ее десять минут ковыряла! – завопила Даф.

– Ты маленькая жадина! – промычал Меф.

Рот у него был вместительный, что сказало на размере оставшейся корки.

– Не-е-ет! – простонала Даф.

– Против фактов не попрешь! Всегда так бывает: чем больше трясешься и отодвигаешь удовольствие – тем больше шансов, что у тебя его попрут, – заявил Меф.

– Свинья ты все-таки! – Даф шмыгнула носом. – Так что будем делать с трейлером?

– Ничего. За полтора месяца что-нибудь придумаем. В конце концов можно втупую прикатить десяток пустых мусорных баков и выстроить их в ряд. Грохоту будет много, а общежитие не пострадает! – утешил ее Меф и решительно толкнул дверь общежития.

Вахтер, поначалу преградивший им дорогу, уже через минуту кинулся открывать дверь казенным дубликатом ключа, извлеченным из висевшего на стене ящика. Дафна спрятала флейту, сожалея, что приходится прибегать к маголодиям по такому незначительному поводу.

– Селям алейкум! – говорила она всем, кого встречала.

В общежитии института городского озеленения жили в основном восточные люди, работающие на рынке. Как совсем молодые, так и зрелого возраста. Видимо, никто, кроме них, городским озеленением не интересовался.

«Неудачливая» комната оказалась крайней по коридору. У нее единственной на этаже было два окна и небольшая выгороженная кухня, отделенная шкафом.

– Нормально. Остаемся, – великодушно сказал Меф.

Вахтер удивленно заморгал. Сложно сказать, что именно внушила ему Даф своей маголодией, но во фразу «Нормально. Остаемся» это определенно не вписывалось. Буслаев вложил вахтеру в руку недоеденный батон хлеба и, забрав казенный ключ, тепло попрощался с ним.

Переезд не занял много времени. У Дафны, кроме рюкзака, был темно-синий аэропортовский чемодан на колесиках, который она привезла с собой из Эдема. Меф ради интереса приподнял его. Чемодан ничего не весил. Когда Даф открыла его, обнаружилось, что он пуст.

Меф щелкнул по чемодану ногтем.

– И зачем? – спросил он.

– Подарок Троила, – не без гордости отвечала Даф.

– Что подарок, пустой чемодан?

Дафна потрогала выдвигающуюся ручку.

– Им можно пользоваться как обычным. Кроме того, Троил сказал, что время от времени в нем появляется что-то нужное, когда оно действительно необходимо.

– А если что-то было необходимо, но не появилось?

– Если что-то не появилось, значит, оно не былодействительно необходимым. – Даф голосом подчеркнула, что усомниться в Троиле она не позволит.

Меф хмыкнул. Он никак не мог привыкнуть к манере света накладывать на себя бесконечные ограничения. Будь это чемодан мрака, он доставлял бы своему хозяину все – совсем все, не рассуждая, насколько это этично или необходимо. Правда, и плата была бы высокой. Никакие артефакты мрака ничего не делают за так. Цена их услуг высока, и она тем выше, чем позже взимается. Никто лучше мрака не умеет насчитывать проценты.

Стемнело. В двух крайних окнах общежития озеленителей вспыхнул свет. Дафна стояла у плиты и варила кофе. Депресняк на подоконнике мечтательно обнюхивал горшок с фиалками. Слишком мечтательно, чтобы имело смысл оставлять его на окне надолго.

Меф взял кота, открыл форточку и посадил Депресняка на раму. Не обидевшись, кот улегся и принялся смотреть на улицу. Затем, всплеснув крыльями, тяжело прыгнул на асфальт и куда-то отправился вдоль дороги.

Мефодий и Дафна смотрели, как Депресняк петляет между молоденькими деревцами. Кот двигался медленно, вкрадчивым шагом охотника.

– Вот мы и вместе... Впервые в жизни я счастлив, но растерян. Наверное, я совершенно не умею быть счастливым, – сказал Меф.

Даф прижалась лбом к его плечу.

Глава 4

Случайная стычка

Если не любишь людей – боишься их, не ощущаешь своего единства с ними, ты несчастен и чужд миру. Но стоит тебе полюбить людей – и ситуация мгновенно меняется. Ветвь жива, только пока она часть дерева. Во всяком другом случае она быстро становится мертвой деревяшкой.

Книга Света

По стеклу ползли дождевые капли. Каждая оставляла мокрую дорожку. Порой капли встречались, и две дорожки сливались в одну. «Прямо как человеческие судьбы», – думала Даф.

Они сидели в тесной кухне у Зозо, где происходил семейный совет. Учитывая, что Хаврон на нем отсутствовал, совет гораздо меньше походил на балаган, чем это в принципе было возможно.

– Ты хочешь сказать, что больше не учишься в гимназии? – озабоченно спросила Зозо.

– Я уже раз восемь это повторил, – вспыхнул Меф.

– Не груби матери! Мать у человека одна! – напомнила Зозо.

Мефодий заверил ее, что он в курсе.

– Вылететь из гимназии за год до окончания! Невиданное дело! А как же институт? Я пойду к Глумовичу! Я умолю его! Это святой, светлый человек! Бескорыстная душа! Он не отвернется от материнского горя! Я встану на колени! Мы все встанем на колени! – воодушевилась Зозо.

– Хорошая мысль! – одобрил Меф. – Даф, у тебя как завтра утром со временем? Пойдешь с нами вставать на колени Глумовичу? Встанем и попрыгаем. Давненько у бедняги не было гипса.

Зозо хихикнула, но тотчас спохватилась, что роняет свой материнский авторитет, и заставила себя возмутиться. Эмоциональные переходы у нее осуществлялись всегда мгновенно, точно кто-то перещелкивал тумблер.

– Отвратительно! Он же еще и насмехается! Ты унаследовал от своего отца все его худшие качества! – заявила она.

Меф заинтересовался:

– А какие именно?

– Все! – отрезала Зозо. – Запомни раз и навсегда. Все хорошее в тебе от меня: красота, ум, хороший вкус, хорошая фигура. Все плохое – от папаши. Тупость, самоуверенность, грубость, маленькие негениальные уши с крошечной мочкой!

Даф, ковырявшая ложечкой половинку сухого лимона, не выдержала и чихнула в чашку.

– Прошу прощения. Я поперхнулась, – пояснила она.

Зозо с подозрением уставилась на Дафну.

– Как? Только не говори мне, что ты тоже вылетела из гимназии! – осенило вдруг ее.

– Пробкой, – подтвердила Даф с глубочайшим удовлетворением.

Зозо рассеянно поискала глазами что-нибудь съедобное. Она терпеть не могла пить чай без ничего. Ей было заведомо известно, что ничего не куплено, но неожиданно для себя она обнаружила в вазочке половинку тульского пряника. Недоверчиво оглядела, потрогала, понюхала и стала есть. Мефодий благодарно взглянул на Дафну. Ему было известно, что его мать после еды всегда добрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.